

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ГОЛОС МОНСТРА»

ПАТРИК
НЕСС

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ МЕДАЛИ КАРНЕГИ

Патрик Несс

Война хаоса

Серия «Поступь хаоса», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66112540

Война хаоса:

ISBN 978-5-04-157424-6

Аннотация

На город Новый Прентисстаун, который возглавляет безжалостный мэр Прентисс, надвигаются две армии. Войско «Ответа» и войско спаклов, коренных жителей, готовых отомстить за свой народ. В это же время приближаются и космические корабли колонистов. Исход битвы решит, кто будет править на планете Новый свет.

В самый разгар конфликта Тодд и Виола вынуждены вести не только борьбу за свою жизнь. Каждому из них предстоит подвергнуть сомнению все, во что они верили, и сделать сложный выбор: спасти любимого человека или сохранить жизни тысяч незнакомцев?

Содержание

Она начинается	8
Две битвы	8
И Третий	97
Вторые шансы	107
Затишье	107
Прежде	137
Орудия войны	184
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Патрик Несс

Война хаоса

© Осипов А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящается Дениз Джонстон-Берт

Кто в бункере у нас?

Кто в бункере у нас?

Сначала женщины и дети,

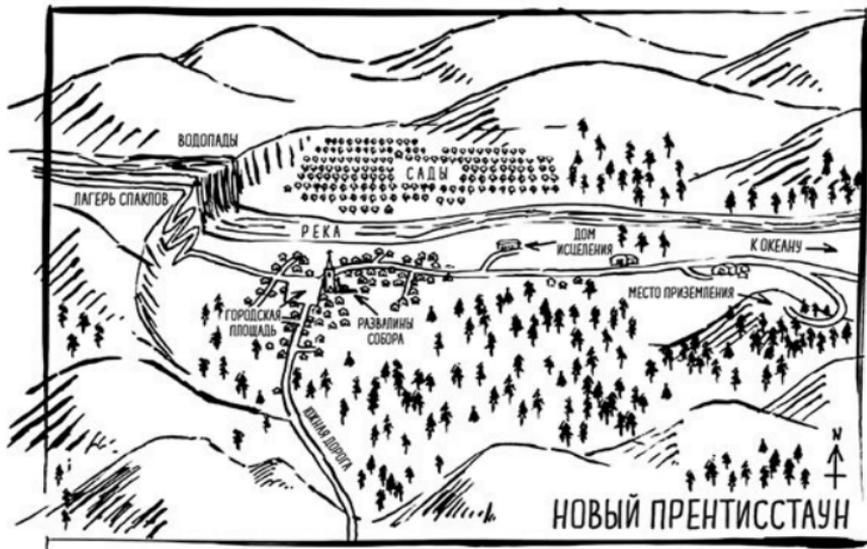
Сначала дети

И дети.

Я ржу до отвала башки.

Глотаю, пока не лопну.

Radiohead, «Idioteque»

– Война, – глаза мэра Прентисса сверкали. – Наконец-то.
– Заткнись, – бросил я. – Нет в ней никаких «наконец-то».

Никто, кроме тебя, ее не хотел.

– Тем не менее, – он повернулся ко мне; на лице сияла улыбка. – Вот она.

И, понятное дело, я уже гадал, не совершил ли только што самую ужасную ошибку в своей жизни – когда развязал его... когда открыл ему дорогу к этой битве...

Нет...

Нет, только так я мог спасти ее. Я должен был это сделать, чтобы ее спасти.

И я заставлю его спасти ее, даже если для этого мне придется его убить.

Садилось солнце. Мы с мэром стояли на развалинах и смотрели туда, через площадь, где армия спаклов зигзагом спускалась по склону холма, и рог ревел так, што чуть не рвал тебя пополам...

А армия мистрис Койл – армия Ответа – входила в город у нас за спиной, взрывая все на своем пути

Буммм! Буммм! БУМММ!..

И первые порядки мэровой собственной армии уже подходили в быстрой формации с юга, с мистером Моллотом во главе, и он уже скакал к нам через площадь, спеша получить новый приказ...

И жители Нового Прентисстауна сломя голову неслись во всех направлениях сразу, пытались спасти себе жизнь...

И разведчик новых поселенцев садился где-то на не видимом отсюда холме, но в непосредственной близости от мистрис Койл – ей-богу, хуже места и не придумаешь...

И Дэйви Прентисс лежал мертвый в пыли и щебенке, убитый собственным отцом... убитый одним выстрелом, рукой человека, которого я только что отпустил на свободу...

И Виола...

Моя Виола...

Мчалась верхом прямо в гущу всего этого... со сломанными ногами, не способная даже стоять самостоятельно...

Да, думал я...

Вот и она.

Вот и он, конец всего.

Конец истории.

– О да, Тодд, – кивнул мэр, потирая руки. – Воистину так.

И он снова произнес это слово – так, будто самое заветное желание только што исполнилось у него на глазах.

– *Война.*

Она начинается

Две битвы

[ТОДД]

– *МЫ УДАРИМ ПО СПАКЛАМ НАПРЯМУЮ!* – Шум мэра Прентисса целил прямо в сердцевину каждой головы.

Даже моей.

– *Они соберутся в начале дороги,* – продолжал он. – *Но дальше этого рубежа они не пройдут!*

Я положил ладонь на бок Ангаррад. И двух минут не прошло, как мы с ним уже сидели верхом – Морпет и Ангаррад сами вынеслись нам навстречу из-за развалин собора, и к тому времени, как мы перелезли через бесчувственные тела тех, кто пытался помочь мне свергнуть мэра, и вскарабкались в седла, армия перед нами уже кое-как сформировала порядки. Порядки вышли скверные, но уж какие есть.

Да и армия была тут не вся – меньше половины от силы: все остальное тянулось вдоль южной дороги, той, што вела к холму с зазубриной, где *должна была* состояться битва.

МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК? думала Ангаррад. Нервы у

нее так и кололись иголками по всему телу. Перепугана только што не насмерть.

Как, между прочим, и я.

– БАТАЛЬОНЫ К БОЮ! – прокричал мэр, и немедленно мистер Моллот и едва подоспевшие мистер Тейт с мистером О’Хеа и мистером Морганом отщелкнули салют, и солдаты бегом потекли в правильную формашю – ряды прямо струями завились, прошивая друг друга насквозь, да так быстро, што у меня глаза заболели на это смотреть.

– Я знаю, – скромно сказал мэр. – Красота, правда?

Я наставил на него ствол.

– Не забывай про наш уговор. Виола в безопасности и никаких попыток контролировать меня Шумом. Делаешь так – живешь. Это *единственная* причина, по которой я тебя отпустил.

– А ты понимаешь, что теперь тебе нельзя спускать с меня глаз? Даже если для этого придется идти за мной в бой. К *этому* ты готов, Тодд?

– Готов, – ответил я, хотя готов не был, но старался об этом не думать.

– У меня такое чувство, что ты отлично справишься, – кивнул он, сверкнув взглядом.

– Заткнись, – отрезал я. – Побил тебя раз, побью и еще.

– В этом у меня нет ни малейших сомнений, – осклабился он.

– АРМИЯ ГОТОВА, СЭР! – рывкнул с седла мистер Мол-

лот и яростно отдал честь.

– Армия готова, Тодд, – перевел мэр, не сводя с меня глаз, голос дразнил и жалил. – А ты?

– Шевелись давай!

Улыбка сделалась еще шире. Он повернулся к войскам.

– *Две дивизии на западную дорогу для первого удара!* – голос снова неотступной змеей пополз в каждый череп. – *Капитан Моллот – авангард, капитан Морган – арьергард. Капитан Тейт и капитан О’Хеа собирают оставшихся людей и вооружения и присоединяются к битве как можно скорее.*

«Вооружения?» – мелькнуло у меня в голове.

– *Если к тому времени, как они к нам присоединятся, сражение еще не будет окончено...*

Армия в ответ на это расхохоталась – громко, нервно и злобно.

– *...мы объединенными силами загоним спаклов обратно на холм и заставим их пожалеть о том, что КОГДА-ТО РОДИЛИСЬ НА СВЕТ!*

Это было встречено восторженным ревом.

– Сэр! – прокричал капитан Моллот. – А что с армией Ответа, сэр?

– Сначала разберемся со спаклами, – сказал мэр. – После этого Ответ будет детской игрушкой.

Он окинул взглядом своих людей и холм, по которому шел вниз неприятель, потом вскинул кулак и выдал самый оглушительный Шум, какой я в жизни слышал: этот крик вбурас-

вился в самую сердцевину всякого, кто оказался в пределах поражения.

– В БОЙ!

– В бой! – согласно взревела армия и свирепым маршем хлынула прочь с площади, к водопадам... к зигзагу...

Мэр бросил на меня последний взгляд: ему было так весело, што еще мгновение – и ударится в хохот! А затем, не тротя ни слова, дал шпоры Морпету и галопом помчался вслед уходящей армии.

Армии, уходящей на войну.

– ЗА НИМ? – спросила Ангаррад; страх сходил с нее градом, как пот.

– Он прав, – пробормотал я. – Теперь нам нельзя упускать его из виду. Он должен сдержать слово. Должен выиграть войну. И спасти ее.

ЗА НЕЕ, подумала Ангаррад.

За нее, ответил я, и все мое чувство встало за этим словом.

И дальше я подумал имя – *Виола*.

И Ангаррад ринулась в бой.

[ВИОЛА]

Todd, думала я, пробираясь на Желуде сквозь запрудившую дорогу кашу из людей, каждый из которых пытался убе-

жать сразу и от жутких взревов рога с одной стороны, и от рвущихся бомб мистрис Койл – с другой.

БУМММ! – грохнула еще одна, и высоко в небо выплунуло шар пламени. Крик кругом стоял невыносимый. Те, кто бежал в одну сторону, сталкивались с теми, кто бежал в другую, все путались у всех под ногами.

И у нас, пытавшихся первыми добраться до разведчика.

Рог протрубил снова, криков стало еще больше.

– Нам надо туда, Желудь, – сказала я ему промеж ушей. – Что бы это ни было, люди с моего корабля смогут...

Тут меня схватили за руку и практически сдернули с седла.

– Отдай лошадь! – орал какой-то мужчина, таща со всех сил. – Отдай ее мне!

Желудь крутанулся было, чтобы вырваться, но на дороге было слишком много народу...

– Пусти! – рявкнула я в лицо нападавшему.

– Отдай! – взвыл он. – Спаклы идут!

– *Чего?!* – я так удивилась, что чуть не слетела с конской спины.

Но он меня не слушал, и даже в этом меркнувшем свете я видела, как сверкают в ужасе его белки...

– **ДЕРЖАТЬСЯ!** – взревел Шум Желудя, и я пуще прежнего вцепилась ему в гриву, а он вскинулся на дыбы, сшиб мужика с ног и прыгнул одним прыжком в темноту. Люди кинулись с криками врассыпную, мы еще кого-то опрокинули,

и Желудь наддал, бороздя эту кашу, а я держалась за него, как за собственную жизнь.

Выбравшись, наконец, туда, где народу было хоть чуть-чуть поменьше, он припустил еще быстрее.

– Спаклы?.. – пробормотала я. – О чем он? Ведь не может быть, что...

СПАКЛЫ, подумал Желудь. **СПАКЛЫ АРМИЯ. СПАКЛЫ ВОЙНА.**

Я на ходу оглянулась – туда, где вдалеке текли по холму зигзагом огни. Огни.

Спачья армия.

Спачья армия тоже шла в город

Todd! – думала я, зная, что с каждым ударом копыт уношусь все дальше от него. От него и от связанного мэра.

Единственная надежда – корабль. Они смогут нам помочь. Как-то, не знаю как, но они помогут нам с Тоддом.

Мы уже остановили одну войну – остановим и другую.

И я снова подумала его имя *Todd*, посылая ему силу. И помчалась дальше по дороге, в сторону Ответа, в сторону разведчика... против самой надежды надеясь, что поступила правильно.

[ТОДД]

Анггаррад скакала вслед за Морпетом. Армия быстрым маршем шла по дороге, без церемоний расшвыривая тех

граждан Нового Прентисстауна, которым не посчастливилось оказаться на пути. Первый батальон вел оружий во все горло мистер Моллот верхом на лошади, второй – менее громогласный мистер Морган. По общему счету человек там было около четырехсот – ружья на плечо, лица искажены от воплей.

И Шум...

Какое же чудовище был их общий Шум, слитный, сам на себя закрученный, РЕВУЩИЙ одной, единой глоткой, будто злоущий великан топал к холмам.

У меня от всего этого только што сердце из груди не выпрыгивало.

– Держись поближе ко мне, Тодд! – крикнул мэр с Морпета, подваливая ко мне сбоку и не сбавляя темпа.

– Уж ‘б этом не б’спокойся! – я покрепче сжал ружье.

– Я про спасение твоей жизни говорю, – оглянулся он. – И не забывай про свою часть сделки. Мне совершенно не нужны жертвы от огня с нашей же стороны.

И он мне, еть, подмигнул.

ВИОЛА, подумал я прямиком в него, как кулаком Шумным двинул.

Он дернулся.

Ну, хоть ухмыляться перестал, и то хлеб.

Мы ехали следом за армией через западную окраину города, по главной дороге, мимо того, што осталось от тюрьмы, которую Ответ спалил при самой своей большой атаке.

До сегодняшнего дня – самой большой. Я тут только однажды бывал до сих пор, когда бежал бегом в город с Виолой на руках, по этой вот самой дороге зигзагом, думая, што она умирает, Виола, ташил ее к спасению, к безопасности, думал, ага, как же, и вот теперь снова тут, а рядом – человек, который убил тысячу спаклов, штобы только развязать эту войну... который пытал Виолу ради информации, которая у него и так, еть, была... который убил собственного сына...

– А тебе, стало быть, надо кого-то другого, чтобы вел тебя в битву? – отозвался он, прочтя мой Шум. – Кого-то более подходящего для войны?

Чудовище, подумал я, памятуя, что сказал однажды Бен. *Война делает из людей чудовищ.*

– Вздор, – отрезал мэр. – Именно война вернее всего делает нас мужчинами. Пока не случится война, мы – всего лишь дети.

Еще один взрев рога покатился на нас – такой оглушительный, што чуть не посшибал нам головы с плеч. Армия, по всяком случае, с шага сбилась.

Факелы собирались у подножья холма. Спаклы ждали нас. – Ну что, Тодд, готов повзрослеть? – спросил мэр.

[ВИОЛА]

БУММММ!

Еще один взрыв – впереди, прямо по курсу. Над деревья-

ми полетел какой-то дымящийся мусор. Я так напугалась, что машинально попыталась пришпорить Желудя, как показывали на видео на корабле, позабыв напрочь о состоянии ног... – и согнулась впополам от боли. Повязки на лодыжках, которые сделал Ли, – Ли до сих пор где-то там, в ночи... пытается отыскать Ответ, где его нет и быть не может, ох, только бы он был в безопасности, *пожалуйста*, только бы... – хорошие вообще-то повязки, да только кости под ними все равно сломаны, и на секунду агония полыхнула на все тело, снизу вверх, до самого браслета на руке (все еще дергает)... да, прямо дотуда. Я закатала рукав посмотреть. Кожа вокруг железки вся красная и воспалилась, и сама железка – тонкая стальная пластинка, несдвигимая, неотъемлемая, пометившая меня номером 1391 до конца моих дней, до самого смертного часа.

Я заплатила эту цену.

Чтобы найти его – заплатила.

– А сейчас нам придется сделать так, чтобы это было не зря, – сказала я Желудю.

А его Шум сказал мне в ответ: ДЕВОЧКА-ЖЕРЕБЕНОК. Просто в знак согласия.

Воздух был полон дыма. Впереди в дыму отсвечивали красным пожары. Люди все так же носились мимо нас – во всех направлениях, но теперь уже меньше, потому что дома потихоньку отступали.

Если мистрис Койл с Ответом начали с Управления опро-

са и движутся к центру города с востока, значит, они уже миновали холм, где раньше стояла коммуникационная вышка. Скорее всего, именно там корабль и сел. Мистрис Койл наверняка развернулась и кинулась к месту приземления, чтобы первой их встретить, первой поговорить... но вот кого она оставила за главного?

Желудь нажал, закладывая дугу, и...

БУМММ!

Вспышка света... еще один барак взлетел на воздух, на одно блистающее мгновение выхватив из тьмы всю дорогу...

Тут я увидела их.

Ответ.

Шеренги мужчин и женщин с синими «О» на груди – а иногда еще и на лице.

И все с ружьями наперевес...

А за ними телеги, груженные оружием.

И хотя кого-то из них я узнала – мистрис Лоусон, Магнуса, мистрис Надари... это были совсем незнакомые люди: свирепые, сосредоточенные, напуганные, отважные, целеустремленные... настолько, что я даже повисла на поводьях Желудя, страшась ехать прямо к ним.

Зарево взрыва угасло, и видение вновь потонуло во тьме.
– ВПЕРЕД? – спросил Желудь.

Я втянула воздух сквозь зубы, гадая, как они отреагируют, увидев меня... и увидят ли они меня вообще... и не снимут ли одним выстрелом с седла по ошибке.

– Кажется, выбора у нас нет, – прошептала, наконец, я.
И не успел мой конь сделать шаг...
– Виола? – послышалось из тьмы.

[ТОДД]

Дорога выбежала из города на широкое поле, очерченное рекой справа. Грохот водопада и змеящийся по склону зигзаг были прямо впереди нас. Армия с ревом выплеснулась на пустошь с капитаном Моллотом во главе... и хотя я видел эту местность всего один раз, я помнил, што там... там должны были расти деревья... деревья и маленькие домики... – значит, мэр велел своим людям все тут расчистить, заранее готовя поле битвы...

Словно он знал, к чему все идет.

Но времени обдумать это мне все равно не дали, потому што мистер Моллот уже орал:

– Войско... СТОЙ! – и войско действительно встало стройным порядком, глядя вперед через поле...

Потому что там...

Напротив...

Стояли они —

авангард спачьей армии.

Разворачиваясь веером по равнине, дюжина... две дюжины... десять дюжин спаклов стекали с холма, как река белой крови – факелы высоко над головами, луки и стрелы и еще

какие-то длинные белые палки... спачьи пехотинцы роились вокруг спачьей кавалерии верхом на таких громадных белых тварях навроде буйвола, но выше и ширше, с единственным толстым рогом, торчащим из конца носа... они еще и в доспехах были, эти твари, с виду как бы из глины... и на многих солдатах были такие же: глина на белой коже...

И снова ударил рог – такой оглушительный, што, клянусь, у меня кровь потекла из ушей... а рог уже было видно невооруженным глазом: притороченный на спины двух этих носых рогов – стоят надо всем на холме и дует в него преогромнейший спакл...

И бог ты мой...

Бог мой...

Их *Шум*...

Он катился, рокоча, вниз по холму, словно сам по себе – оружие, затопляя поле пеной от яррой реки – к нам, к нам, сюда... и в нем картины того, как их армия режет нас... наши солдаты, порванные на куски... так ужасно, так отвратительно, што и словами не описать... картины...

...летающие в них назад – от нас, поднимающиеся потопом из гущи людей впереди: оторванные головы... пули разносят белую плоть вдребезги... и резня, бесконечная, бесконечная ре...

– Сосредоточься, Тодд, – донесся до меня голос мэра. – Или битва заберет и твою жизнь. А лично мне, например, ужасно интересно, что за человек из тебя получится. Не ли-

шай меня этого удовольствия.

– В ОДНУ ШЕРЕНГУ СТРОЙСЬ! – раздался крик мистера Моллота, и солдаты за ним немедленно принялись растягиваться в одну длинную линию вдоль фронта. – ПО МОЕМУ СИГНАЛУ!

Люди встали и вскинули ружья на изготовку, готовые ринуться в атаку. За их спинами выстроилась вторая линия.

Спаклы тоже остановились – такой же длинной линией у подножья холма. Посреди рогатая тварь разделила ее пополам: спакл у нее на спине стоял во весь рост позади какой-то белой штуки в форме двузубца, будто бы сделанной из кости, в половину его ширины... она торчала на таком специальном поставце, вделанном в твариную броню.

– Это еще што такое? – спросил я у мэра.

– Думаю, скоро мы это узнаем, – улыбнулся он, словно сам себе.

– ГОТОВСЬ! – гаркнул мистер Моллот.

– Держись со мной рядом, Тодд, – тихо сказал мэр. – По возможности не лезь в бой.

– Ага, знаю, – в Шуме у меня стало тяжело. – Руки марать ты не любишь.

– О, Тодд, впереди у нас немало грязных деньков, можешь мне поверить, – он поймал мой взгляд.

И...

– В АТАКУ!!! – во всю глотку проревел мистер Моллот.

Война началась.

[ВИОЛА]

– *Уилф!* – возопила я, подлетая к нему.

Он ехал на своей запряженной волами телеге, в первой линии сбоку.

Ответ маршировал по дороге в дымной тьме.

– Ты *живая!* – он соскочил с облучка и кинулся ко мне. –

А мистрис Койл сказала, ты помёрла!

В животе у меня горячо взорвался гнев – на все, что пыталась со мной сделать мистрис Койл, на бомбу, предназначенную для мэра... – подумаешь, еще и девчонку с собой заберет, делов-то.

– Она о многом вам врет, Уилф.

Он уставился на меня, и в свете двух лун я отчетливо увидела ужас у него в Шуме – панику, страх у самого невозмутимого человека на всей этой планете... который жизнью своей рисковал, чтобы спасти нас с Тоддом, и не один раз... страх у того, кто ничего не боится.

– Спаклы идут, Виола. Тебе надоть отсюда выбирать.

– Я еду за помощью, Уилф.

БУМММ!

Здание через дорогу от нас вспухло изнутри. Уилфу даже за поводья пришлось схватиться, чтобы не упасть.

– *Да что они такое творят!* – взвизгнула я.

– Приказ мистрис. Чтобы спасти тело, надоть, бывает, и но-

гу оттяпать.

– Именно *такими* глупостями она вас и кормит, – я едва прокашлялась от дыма. – Где она сама?

– Ускакала, кось только корабль тот над главою прошел. Тудыть, где он сел.

Сердце у меня так и подскочило.

– Где он сел, Уилф? Где конкретно?

Он махнул назад, вдоль дороги.

– Тама, на холме, где башня стояла.

– Я так и знала!

Вдалеке снова взревел рог. Каждый раз после этого горожане принимались голосить пуще прежнего. Даже со стороны Ответа донеслись какие-то вопли.

– Скачи отседова, Виола, – Уилф тронул меня за руку. – Спачьа армия – скверная новость. Скачи. Скорее!

Я придушила внутри вспышку страха за Тодда.

– Тебе тоже надо бежать, Уилф. Уловка мистрис Койл не сработала. Мэрская армия уже в городе.

Уилф аж присвистнул.

– Мы захватили мэра. Тодд сейчас пытается остановить армию. Если вы сейчас ударите, вас просто перережут.

Он оглянулся на марширующий по дороге Ответ – все мрачные, сосредоточенные... правда, некоторые уже увидели меня с Уилфом – живую, верхом, – и удивление заплескалось по лицам. Кто-то назвал мое имя... еще... и еще.

– Мистрис Койл велела не останавливаться, – покачал го-

ловой Уилф. – И бомбить. Что бы мы ни услышали.

– Кого она оставила за главного? Мистрис Лоусон? – мне не ответили, и я повнимательнее взгляделась в Уилфа. – Тебя, да?

Он медленно кивнул.

– Ск'зала, я лучше всех исполняю приказы.

– Еще одна ошибка с ее стороны, – бросила я. – Уилф, ты *должен* повернуть их назад.

Он оглянулся на Ответ – идут, маршируют...

– Другие мистрис меня слушать не станут, – пробормотал он, но я видела его мысли...

– Да, – ответила я на них, – зато *все остальные* станут.

Он посмотрел на меня.

– Тада я их заверну'ть.

– Мне нужно добраться до корабля. Они нам помогут.

Уилф кивнул и ткнул большим пальцем назад, через плечо.

– Вторая большая дорога в той стороне. Мистрис Койл уск'кала минут двадцать вперед тебя.

– Спасибо, Уилф.

Он кивнул и повернулся лицом к Ответу.

– Отступаем! – закричал он. – Отступаем!

Я послала Желудя вперед. Мимо мелькнули Уилф и ошарашенные физиономии мистрис Лоусон и Надари в авангарде Ответа.

– Под чью ответственность? – рывкнула эта последняя.

– Под мою! – отрезал Уилф.

Таким могучим я его еще никогда не видела.

Я уже пробивалась насквозь через ряды Ответа, понукая Желудя скакать скорее, и потому не видела лица Уилфа, когда мне в спину донеслось:

– И её!

Но я знала, куда указывает его палец.

[ТОДД]

Наш авангард побежал через поле – так стена валится со склона холма...

Углом побежал; мистер Моллот – верхом, крича криком – на самом острие...

Вторая линия стартовала на долю секунды позже, и вот уже две их несет на головоломной скорости к спаклам: ружья наперевес, но...

– Почему они не стреляют? – спросил я мэра.

Он чуть слышно выдохнул.

– Переоценивают себя, надо полагать.

– Видишь ли, до сих пор мы всегда дрались со спаклами в ближнем бою. Так было эффективнее всего, но...

Его взгляд перескочил на авангард противника...

Который не двигался с места.

– Думаю, нам стоит отодвинуться немного дальше, Тодд, – и не успел я ничего ответить, как он повернул Морпета назад

по дороге.

Я оглянулся на бегущих...

И на неподвижных спаклов...

Люди неостановимо приближались к ним.

– Но почему?..

– Тодд! – позвал мэр с добрых сорока футов позади.

Вспышка Шума прорезала ряды спаклов – наверное, какой-то сигнал.

Весь авангард одним движением поднял луки...

Или белые палки – у кого што было...

Спакл на спине у рогатого зверя уже стоял с горящими факелами в обеих руках...

Люди взяли ружья на изготовку...

– Я бы, правда, отъехал на твоём месте, – повторил мне мэр.

Я слегка натянул поводья Ангаррад...

Не в силах отвести глаз от поля битвы, от бегущих через него людей... и ещё людей за ними, готовых сделать то же самое... и ещё...

И позади всего этого мы с мэром – ждали.

– ЦЕЛЬСЬ! – проорал мистер Моллот сразу и голосом, и Шумом.

Развернув Ангаррад, я поскакал к мэру.

– Почему они не *стреляют*?

– Которые из них? Люди или враги? – он продолжал изучать спаклов.

Я проследил его взгляд...

– Да все они...

Пять...

– А вот *сейчас* будет правда интересно, – заключил мэр.

Спакл на спине рогача свел свои факелы вместе позади той двузубой штуки и...

ВВВУХХХ!

Громовой горячий опаляющий поток огня взорвался и хлынул вперед на наш далекий взгляд словно цельная река да только извергся он с ревом из этой их двузубой штуки больше гораздо больше чем можно себе представить расширяясь вырастая пожирая мир словно живой кошмар...

...прямиком в лицо мистеру Моллоту...

который рванул коня резко вправо...

отпрыгивая с пути...

но было уже поздно...

Огонь облизнул и проглотил его...

Сомкнулся вокруг...

Пристал к коню и всаднику, как вторая кожа...

И уже мчась от него прочь, они горели горели горели...

Направляясь к реке...

Но до реки мистер Моллот не добрался...

Рухнул с горящего седла своей горячей лошади...

И упал наземь дергающейся, корчащейся кучей огня...

Остался лежать, пока конь убежал в реку...

И вода смыкалась над ним...

Крик...

Крик...

Я перевел взгляд на армию.

У тех, что на передней линии, не было коней – унести их с пути огня...

А он был гуще... огонь – гуще...

И тяжелее обычного...

Он прокатился сквозь строй, как лавина, как оползень...

Сожрав первых же десятерых, кого коснулся...

Спалив так быстро, что они едва успели вскрикнуть...

И им еще повезло...

Потому что дальше он пошел вширь...

Прилепляясь к мундирам, к волосам...

К самой коже...

Бог ты мой, к самой коже солдат в авангарде по обе стороны от...

И они падали...

Падали и горели...

И кричали, как лошадь мистера Моллота...

И еще кричали... и еще...

А их Шум бил, взвивался вверх, над Шумом всего осталь-

ного...

А огненный залп тем временем рассеивался, и мистер Морган орал первой линии солдат: «ВСЕ НАЗАД!» – а они уже поворачивали уже поворачивали и бежали и палили из ружей назад и первые спачьи стрелы уже чертили белые дуги в черном воздухе а другие спаклы поднимали свои белые палки и из концов вырывались вспышки и пойманные стрелой люди – в спину пойманные в живот в лицо – уже начали падать а те в кого попали из белой палки лишались куска руки или плеча или головы и тоже падали наземь уже падали наземь мертвые мертвые мертвые...

Я так вцепился в гриву Ангаррад, што чуть ей волосы не повыдергал...

А она, бедняжка, была так перепугана, што и не пикнула...

Потому что слышал я только одно...

Как мэр рядом сказал...

– Наконец-то, Тодд...

И он повернулся ко мне и сказал...

– Наконец-то достойный противник.

[ВИОЛА]

И минуты не прошло после встречи с Ответом, когда мы

с Желудем миновали первую дорогу и я признала местность. Она... эта дорога вела к дому исцеления, где я провела свои первые недели в Новом Прентисстауне. К дому исцеления, откуда мы с Мэдди тайно выбрались как-то ночью...

Куда принесли тело Мэдди готовить к погребению... после того как сержант Моллот застрелил ее просто так, на ровном месте.

– Вперед, Желудь, – сказала я, отталкивая мысль прочь. – Дорога к башне должна быть где-то рядом...

Мглистое небо позади внезапно озарилось. Мы оба обернулись, и хотя город остался далеко за деревьями, стало видно огромную вспышку света, безмолвную на таком расстоянии – никакого грохота от взрыва... просто яркое-преяркое зарево, которое росло, росло, а потом начало гаснуть... осветив тех немногих на дороге, кто успел забраться так далеко от города... что там могло случиться, чтобы получился такой отсвет?

И где сейчас Тодд?..

Уж не посреди ли всего этого?

[ТОДД]

Следующий залп огня пришел раньше, чем хоть кто-то успел приготовиться...

ВВУХХХ!

Прострелив насквозь всю пустошь... ловя отступающие войска, плавя ружья, выжигая тела, руша их наземь кучами... кучами...

– Надо выбираться отсюда! – крикнул я мэру, который будто замороженный паялился на поле битвы: без движенья, застыл, только глаза рыщут туда и сюда, вбирая, жадно поглощая все...

– Эти их белые палки, – спокойно сказал он. – Ясно, что баллистика, но ты только посмотри, сколько разрушений, а?

Я вытаращился на него во все глаза.

– ДА СДЕЛАЙТЕ ЖЕ ШТО-НИБУДЬ! – вырвалось у меня. – Их же там убивают!

Он приподнял одну бровь.

– А что такое, по-твоему, война?

– Но у спаклов теперь оружие лучше! Мы не сможем их остановить!

– Неужели? – он кивнул туда.

Я посмотрел.

Спакл на рогаче уже готовил факелы для нового залпа, но впереди, перед ним, один из солдат подымался там, где упал, весь обожженный, и целился из ружья, и стрелял...

Спакл уронил факел и схватился за шею, где в нее вошла пуля, а потом тяжело свалился со спины чудища наземь.

По рядам мэрских людей пронесся радостный вопль.

– У всякого оружия есть свои слабости, – заметил мэр.

А солдаты уже стремительно перегруппировывались, и мистер Морган выезжал на коне вперед и становился во главе армии – *всей* армии на этот раз! – и палили ружья, и хотя со стороны спаклов летели стрелы и виднелись белые вспышки, и опять падали солдаты... – но спаклы падали тоже, и их глинные доспехи трескались и лопались под ногами других спаклов, шедших следом...

Но они все равно шли.

– Они превосходят нас числом! – крикнул я мэру.

– О, десять к одному в лучшем случае, – отмахнулся он.

Я ткнул пальцем в вершину холма.

– И у них есть еще эти огненные штуки!

– Но они еще не готовы, Тодд, – возразил он.

И правда: еще рогатые твари застряли на зигзагообразной дороге, не имея никакой возможности стрелять, – если, конечно, их возницы не хотели снести половину собственной армии.

А авангард спаклов уже крошился об авангард людей, и мэр быстро обмахнул пальцем порядка, подсчитывая, а потом оглянулся на дорогу за нами.

– Знаешь что, Тодд? – он крепко взялся за поводья Морпета. – Похоже, нам понадобятся все люди до последнего.

И обернулся ко мне.

– Пора и нам вступать в битву.

И как ножом в сердце меня ударило: если уж сам мэр идет в бой...

Дела наши *действительно плохи.*

[ВИОЛА]

– Туда! – крикнула я, тыча пальцем в дорогу, взбегавшую по склону холма к башне.

Желудь ринулся прямо вверх, облетая хлопьями пены с шеи и плеч.

– Знаю, – сказала я ему промеж ушей. – Почти приехали. ДЕВОЧКА-ЖЕРЕБЕНОК, подумал он, и на мгновение я подумала, уж не ржет ли он там над моим сочувствием... А может, это он просто пытался *меня* утешить.

На дороге, завивавшейся вокруг вершины, было до жути темно. Меня словно отрезало от всего, от всего остального мира – от звуков города, от зарева того, что творилось за ним, от Шума, способного подсказать, что происходит... Мы с Желудем словно неслись через сам черный космос, через этот странный покой, когда ты – всего лишь крошечный кораблик, затерянный в безбрежности пространства... где твой маленький свет так бесполезен против всей этой окружающей тьмы, словно его и нет вовсе...

И тут до меня оттуда, сверху, донесся звук...

И этот звук я узнала.

Пар из сопла.

– Охладители! Это же охладители! – заорала я Желудю, словно это были самые счастливые слова в целом свете.

Свист пара, рвущегося из охладителей, сделался громче. Мы уже почти вылетели на бровку холма. Воображение рисовало мне: два громадных сопла в хвостовой части разведчика, как раз над моторами – охлаждают их после входа в плотные слои атмосферы...

Как раз такие вызвали наше крушение и прикончили моих маму с папой...

Желудь вынесся на холм, и какую-то секунду я видела только большую поляну, пустое место, там, где коммуникационная вышка... где раньше стояла башня, которую мистрис Койл взорвала только затем, чтобы мэр первым не вышел на связь с моими кораблями. Большую часть металлического лома с тех пор уже расчистили, навалив огромными кучами, и Желудь понесся через эту пустоту... Сначала я видела только эти кучи мусора в лунном свете – три пирамиды, пыльные и заброшенные за те месяцы, что прошли со взрыва башни...

Три металлических месива...

И за ними четвертое.

В форме исполинского ястреба – крылья простерты в стороны...

– Туда!

Желудь наддал, и мы помчались к хвосту разведчика. Сопла выбрасывали в небо пар и жар... Слева маячил столб света – наверняка открытый под крылом шлюз...

Да! – сказала я про себя. – Да! Они *здесь*...

Потому что они правда были здесь!

Я уже почти успела поверить, что они никогда не прилетят, и теперь меня словно надуло воздухом, и дыхание зачало, потому что они здесь они здесь они *здесь*...

У шлюза на земле стояли три фигуры, четко вырисовываясь на фоне светового столба...

Заслышав топот Желудя, тени обернулись.

Чуть в стороне в тени стояла телега. Волы мирно щипали траву...

Ближе...

И ближе...

И вот уже лица фигур выпрыгнули в свет – это мы с Желудем ворвались в этот падающий от люка столб и остановились, едва не врывшись копытами в землю...

И да, это были именно те, о ком я и думала, и у меня сердце пропустило удар – от счастья и тоски по дому, и несмотря на все, что было и стало, глаза мгновенно налились влагой, и горло перехватило, и я почти задохнулась...

Потому что там стоял Брэдли Тенч с «Беты», и с ним Симона Уоткин с «Гаммы», и они прилетели искать *меня* – они всю дорогу летели сюда, чтобы найти маму и папу, и *меня*...

И они даже слегка отшатнулись от неожиданности, когда я

появилась так внезапно, и было видно, что они вглядываются мне в лицо, – так ведь сразу не разглядишь через всю эту сажу и грязь, и длинные волосы...

И я ведь вдобавок стала больше...

Выше...

Почти взрослая...

И глаза у них сделались большие-пребольшие, когда они, наконец, поняли, кто перед ними...

И Симона раскрыла рот...

Но заговорил не ее голос.

А третий – третьей фигуры, у которой глаза (теперь, когда я соизволила в них, наконец, посмотреть) стали еще больше, чем у них, и она, эта третья, произнесла мое имя, да с таким изумлением, от которого, должна признать, я на мгновение ощутила острый укол удовольствия.

– *Виола!* – выдохнула мистрис Койл.

– Ага, – согласилась я, глядя ей прямо в глаза. – Она самая – *Виола*.

[ТОДД]

Я даже подумать ничего не успел, когда мэр с Морпетом пронесли мимо и ввинтились в самую гущу боя. Я просто дал шпоры Ангаррад, и она доверилась мне и прынула следом...

Я не хотел туда...

Я не хотел ни с кем драться...

Но если так она будет в безопасности...

(Виола)

Значит, трепать-колотить, я буду драться...

Мы миновали пехоту, все еще бегущую вперед... поле у подножья холма бурлило людьми и спаклами и я не мог отвести глаз от зигзага дороги который выплескивал вниз еще спаклов и еще и еще и мне казалось я муравей который падает в муравейник огромный такой муравейник и земли было не видать под корчащимися телами...

– Туда! – мэр круто забрал влево, прочь от реки.

Людские порядки теснили спаклов к реке и к холмам, удерживая...

– НЕНАДОЛГО, – сказал мэр прямо у меня в голове.

– Не смей так делать! – крикнул я ему на скаку, подымая ружье.

– Мне нужно твое внимание, а еще мне нужен хороший солдат! – рявкнул он в ответ. – Если ты на это не способен, значит, от тебя не будет проку в этой войне и у меня куда меньше причин тебе помогать!

И как все успело так повернуться, что это *он* решил помогать *мне*, когда это я его связал, я победил, он был в *моей* власти...

Но на это уже не было времени, потомуш я видел, куда он скачет.

Левый фланг, тот, что дальше от реки, слабел... людей там

было меньше, и спаклы это уже поняли и давили туда со всех сил.

– ЗА МНОЙ! – крикнул мэр, и ближайšie к нам солдаты развернулись и кинулись следом.

Сразу, немедленно, ни секунды не раздумывая.

Туда, на левый фланг... и мы были там гораздо быстрее, чем я ожидал, и меня захлестнуло с головой, потопило то, как там было громко... и люди орали и ружья палили и тела со стуком падали оземь и этот етьский спачий рог ревел каждые две секунды и Шум Шум Шум Шум...

Я на полном скаку влетел в кошмар...

Воздух свистнул рядом с ухом, и, оглянувшись, я увидел, как стрела, миновавшая мою голову, вонзается в щеку бегущего следом солдата...

И он кричит и падает...

И остается там, позади...

СМОТРИ ПО СТОРОНАМ, ТОДД, раздался внутри головы голос мэра. МЫ ЖЕ НЕ ХОТИМ ПОТЕРЯТЬ ТЕБЯ В ПЕРВОЙ ЖЕ БИТВЕ, А?

– ПРЕКРАТИ это! – завопил я, вертясь в седле.

НА ТВОЕМ МЕСТЕ Я БЫ ПРИГОТОВИЛСЯ!

Я повернулся...

И увидел...

Спаклы были совсем рядом.

[ВИОЛА]

– Ты жива! – лицо мистрис Койл сменило выражение искреннего удивления на другое, уже куда менее искреннее удивление. – Слава богу!

– Не смей! – рявкнула я в это удивленное лицо. – *Даже не смей со мной разговаривать!*

– Виола... – начала она, но я уже слетала с Желудя и рычала от боли в лодыжках, но удерживалась на ногах и бросала Симоне и Брэдли: – Не верьте ничему, что она говорит.

– Виола? – Симона шагнула вперед. – Это правда ты?

– Она несет ответственность за эту войну не меньше мэра. Не делайте ничего, что она...

Но тут меня облапил Брэдли и стиснул так крепко, что несколько секунд мне было некуда вдохнуть.

– Бог ты мой, *Виола!* – у него в голосе было столько чувства, что я... – Мы же ничего не получали с твоего корабля. Мы думали...

– Что случилось, Виола? – вмешалась Симона. – Где твои родители?

Но я сама была в таком потрясении от встречи, что не сразу смогла говорить и отодвинулась немного от Брэдли – перевести дух. Свет выхватил его лицо – я увидела его, по-настоящему увидела, эти добрые карие глаза, кожу в точности того же темного оттенка, что у Коринн, и короткие кур-

чавые волосы, седеющие на висках, Брэдли, который всегда был моим любимцем во всем конвое, учил меня искусству и математике... а если посмотреть чуть в сторону, там будет веснушчатая щека Симоны, такая знакомая, и рыжие волосы, стянутые в хвостик, и крошечный шрам на подбородке... как же далеко они отступили в глубину моего разума за все это время... как эта необходимость просто выживать, просто оставаться в живых на этой чертовой чертовой идиотской планете заставила меня забыть, что я не отсюда, что я из другого мира, где меня любят, где люди заботятся обо мне и друг о друге, где кто-то красивый и умный, вроде Симоны, и добрый и смешной, вроде Брэдли, взаправду прилетит за мной... взаправду желает мне добра.

Вода снова потекла у меня из глаз. Слишком больно оказалось вспоминать. Будто та жизнь случилась с каким-то совсем другим человеком.

– Мама с папой погибли, – наконец выдохнула я. – Было крушение, и они умерли.

– Ох, Виола... – голос у Брэдли был такой мягкий.

– А меня нашел мальчик, – я с каждым словом возвращала себе силу. – Храбрый, потрясающий мальчик, который спасал мне жизнь не раз и не два... а сейчас он *там* – пытается остановить войну, которую *она* развязала!

– Я ничего такого не делала, моя девочка, – возразила мистрис Койл, больше не давая себе труда изображать удивление.

– Не смей меня так называть...

– Мы сражаемся с тираном, с диктатором, который убил сотни, если не тысячи человек. Который бросал женщин в тюрьму, клеймил их...

– *Захлопни рот*, – тихо и угрожающе проговорила я. – Ты пыталась убить меня, так что не смей здесь больше высказываться – *ни о чем!*

– Она – *что?* – раздалось со стороны Брэдли.

– Ты велела Уилфу, доброму, мирному Уилфу, идти маршем на город, взрывая все на своем пути...

Она аж вздрогнула.

– Виола...

– Я велела тебе *заткнуться!*

И она почему-то действительно заткнулась.

– Тебе известно, что там сейчас происходит? – ткнула я пальцем вниз. – Ты вообще в курсе, на что послала Ответ?

Она только тяжело дышала; на лице бушевала буря.

– Мэр разгадал твою уловку, – бросила я. – К тому времени, как твои люди дойдут до центра города, их будет ждать целая армия. Вас просто уничтожат.

– Не надо недооценивать боевой дух Ответа, – только и сказала она на это.

– Что за Ответ такой? – встрял Брэдли.

– Террористическая организация, – сказала я – хотя бы ради того, чтобы полюбоваться выражением лица мистрис Койл.

Оно того стоило.

– Ты говоришь очень опасные вещи, Виола Ид! – сжав кулаки, мистрис Койл шагнула ко мне.

– И что ты намерена с этим сделать? – поинтересовалась я. – Снова взорвать меня?

– Эй! Эй! – между нами ввинтилась Симона. – Что бы тут на самом деле ни происходило, – повернулась она к мистрис Койл, – вы нам явно рассказали не всю историю.

– Я не сказала ни слова лжи о том, что сделал тот человек, – мрачно вздохнула та. – Или как, Виола?

Я попыталась было ее переглядеть, но он – он и правда делал ужасные вещи.

– Мы все равно его уже победили. Тодд сейчас там, в городе, со связанным мэром, и ему нужна наша помощь, потому что...

– Мы уладим наши разногласия позже, – быстро сказала мистрис Койл – мимо меня, Брэдли и Симоне. – Именно об этом я и хотела вам рассказать. Там целая вражеская армия, которую нужно немедленно остановить...

– Две армии, – вставила я.

Мистрис Койл в ярости повернулась ко мне.

– Ответ не надо останавливать...

– А я тебе не об Ответе говорю, – оборвала ее я. – Армия спаклов спускается с холмов у водопада.

– Армия *кого*? – переспросила Симона.

Но я смотрела только на мистрис Койл – глаз не отрыва-

ла...

Потому что у нее отвалилась челюсть.

И по лицу холодной волной прошла тень ужаса.

[ТОДД]

Вот и они...

С этой стороны склон был очень крутой и каменистый, так что спаклы не могли просто обрушиться на нас, но это не мешало им наступать через поле – как раз там, где строй был всего тоньше, и...

Вот они...

Вот они...

Вот...

Я взял на изготовку ружье.

Вокруг было густо от солдат: кто-то давил вперед, кто-то назад, врезаясь в Ангаррад, которая непрерывно вопила в Шуме: МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК, МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК!

– Все хорошо, девочка, все в порядке! – бесстыдно соврал я.

Потомуш они уже...

Повсюду взорвалась пальба, словно стая птиц снялась с кустов.

Стрелы со звоном распороли воздух.

Спаклы выстрелили из своих палок...

И не успел я и глазом моргнуть, как солдат впереди меня с каким-то странным шипением дернулся назад...

Хватаясь за горло...

Которого больше не было на положенном месте...

А я никак не мог отвести от него глаз и смотрел, как он падает на колени...

И повсюду на нем уже была кровь, просто повсюду, *настоящая* кровь, *его собственная*, и я даже чуял ее железный запах...

А он смотрел вверх, на меня...

Поймал мой взгляд и держал...

И его Шум...

Бог мой, его Шум...

Я вдруг уже был там, внутри его Шума, прямо в нем, в том, что он думал... картинки семьи... его жены и малыша сына... и он пытался удержаться за них но Шум уже распадался разбивался на кусочки и сквозь это все струей бил страх словно яркий багровый свет а он тянулся все тянулся к жене к своему крошке сыну...

А дальше ему в грудь с чавканьем воткнулась стрела.

И Шум просто исчез...

А меня выдернуло обратно, на поле боя...

Прямо в этот ад...

СОБЕРИСЬ, ТОДД! вложил мне в голову мэр.

Но я все таращился на мертвого солдата...

А его мертвые глаза все таращились на меня...

– Черт возьми, Тодд! – рявкнул мэр и...

Я ЕСМЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

...стукнуло мне в мозг, словно кем-то брошенный кирпич.

Я ЕСМЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

Его голосом и моим – сразу...

Переплетенными вместе...

Прямо в самую сердцевину головы...

– Еть отсюда... – попытался крикнуть я...

но голос вышел какой-то до странности тихий.

И...

И...

И я поднял глаза...

И мне сразу же стало спокойней...

Словно весь мир разом стал чище и медленней...

И между двух солдат проломился спакл...

И уже поднял свою белую палку... на меня...

И мне, кажется, придется сейчас это сделать...

(убийца...)

(ты – убийца...)

Мне придется застрелить его раньше, чем он застрелит меня...

И я поднимаю ружье...

Дэйвино ружье, которое я у него забрал...

И кладу палец на спусковой крючок, думая при этом: *Пожалуйста...*

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

И...

Щелк...

И недоуменно смотрю вниз.

Мое ружье не заряжено.

[ВИОЛА]

– Ты лжешь, – прошипела мистрис Койл, но уже на повороте, словно могла отсюда пронзить взглядом древесную тьму, добраться до города.

Не вышло – впереди была только тень леса на фоне дальнего зарева. Сопла так громко гнали пар, что мы и себя-то почти не слышали, какой там город. Если мистрис Койл ри-

нулась за кораблем, едва увидев, как он заходит на посадку, она могла и рога не слышать.

– Это невозможно! – пробормотала она. – Они же согласились... они подписали перемирие!

СПАКЛЫ! сказал за спиной Желудь.

– Что ты говоришь? – обернулась Симона.

– Нет, – прошептала мистрис Койл. – О нет...

– Может, кто-нибудь объяснит мне, наконец, что тут происходит? – спросил Брэдли.

– Спаклы – аборигенный вид, – объяснила я. – Разумный и развитый...

– И свирепый в бою, – вставила мистрис Койл.

– Единственный, которого я встречала, был добрый и боялся людей больше, чем эти люди – их...

– Ты не дралась с ними на войне, – возразила она.

– Я их и не поработала.

– Я не стану торчать тут и препираться с *ребенком*...

– Вряд ли они зашли просто так, – я отвернулась от нее к Брэдли и Симоне. – Спаклы напали потому, что мэр вырезал всех спаклов-рабов, и если бы могли с ними просто *поговорить*... объяснить, что мы не такие, как мэр...

– Они убьют твоего драгоценного мальчика, – перебила мистрис Койл. – В этом можешь даже не сомневаться.

У меня перехватило дух, по телу от ее слов моментально поползла паника, но я вовремя подумала, как ей *понравится*, если я испугаюсь. Испуганную меня куда как проще кон-

тролировать.

Нет, так дело не пойдет, потому что мы сей же час это прекратим. Все это прекратим.

Именно этим мы с Тоддом сейчас и заняты.

– Мы *захватили* мэра, – бросила я. – И если спаклы это увидят...

– Со всем моим уважением, – обратилась мистрис Койл к Симоне. – Виола – всего лишь девочка и обладает очень ограниченными знаниями об истории этого мира. Если спаклы атакуют, мы обязаны дать сдачи!

– *Дать сдачи?* – нахмурился Брэдли. – Да за кого вы нас принимаете?

– Тодд нуждается в нашей помощи, – вмешалась я. – Мы можем полететь туда и остановить все это, пока еще не слишком поздно...

– *Уже* слишком поздно! – отрезала мистрис Койл. – Если бы вы просто взяли меня на борт, я бы вам показала...

– Атмосфера оказалась гораздо плотнее, чем мы ожидали, – покачала головой Симона. – Нам пришлось садиться в полно-охлажденном режиме.

– *Нет!* – вырвалось у меня, хотя и ребенку было понятно, что да.

Вон же два сопла открыты, одновременно...

– Что это значит? – не поняла мистрис Койл.

– Это значит, что мы никуда не полетим следующие восемь часов, по меньшей мере. За это время двигатели осты-

нут и восстановят свои топливные клетки, – объяснила Симона.

– *Восемь часов?! –* вырвалось уже у мистрис Койл.

Она даже кулак сжала – на самом деле сжала и даже в воздухе им взмахнула от отчаяния.

Ну, наконец-то она показала, что чувствует.

– Но мы должны помочь Тодду! – вскричала я. – Он не может контролировать одну армию и параллельно сдерживать другую!

– Ему придется отпустить президента, – тихо сказала мистрис Койл.

– Нет, – быстро сказала я. – Не будет он такого делать.

Или... будет?

Нет, не может быть.

Только не после всего, что мы сделали.

– Война заставляет делать отвратительные вещи, – показала головой мистрис Койл. – И как бы ни был хорош твой мальчик – он там один против тысяч.

Я снова задавила панику и резко развернулась к Брэдли.

– Мы должны что-то сделать!

Он тяжело, с выражением смотрел на Симону – оба явно гадали, посреди какой катастрофы их угораздило приземлиться. А потом Брэдли щелкнул пальцами, будто только что вспомнил о чем-то.

– Погодите, – и он бегом умчался обратно на катер.

[ТОДД]

Я еще раз нажал на курок...

И получил еще один пустой *шелк*...

Я даже вверх успел посмотреть —
...спакл поднимал свою белую палку...

(да что это вообще за штуки?)

(что они такое, если могут причинять столько разрушений?)

Ну все, мне конец...

Конец...

Ко...

БАММ!

Ружейный залп прямо у меня над ухом...

Спакл вместе со своей палкой дернулся вбок, струя крови прочертила воздух — из шеи, прямо над воротом доспеха...

Мэр...

Мэр застрелил его прямо с седла, с Морпета...

Я стоял, вытаращившись на него, позабыв о кипевший во-
круг со всех сторон битве...

— Ты послал на войну сына *С НЕЗАРЯЖЕННЫМ РУ-*

ЖЪЕМ? – возопил я, трясясь от ярости и от того, што только што чуть не умер...

– Сейчас не время, Тодд, – покачал головой он.

А я снова дернулся от свиста очередной стрелы мимо, прямо мимо меня, и схватился за поводья и попытался прищпорить Анггард – вон, вон отсюда! – и увидел, как солдат налетает на Морпета и как кровь хлещет у него из жуткого вида дыры в животе, и он тянет кровавую руку вверх, к мэру, прося помощи...

И мэр выхватывает у него ружье и кидает мне...

Я поймал – чисто рефлекторно, поймал... руки тут же стали мокрые – оно все в крови...

И ДЛЯ ДЕЛИКАТНОСТИ СЕЙЧАС ТОЖЕ НЕ ВРЕМЯ, рывкнул мэр у меня в голове. **ПОВЕРНИСЬ! СТРЕЛЯЙ!**

И я повернулся...

И выстрелил...

[ВИОЛА]

– Контрольно-измерительный зонд! – Брэдли скатился обратно по трапу с чем-то вроде насекомого-переростка в руках, с фут длиной: сверкающие крылышки раскрывались над тонким металлическим телом.

Показал его Симоне, она кивнула – ага, значит, она командующий миссией.

– *Какой именно* зонд? – требовательно спросила мистрис

Койл.

– Они сканируют местность, – сказала Симона. – У вас, что ли, таких не было, когда вы садились?

– Наши корабли покинули Старый Свет за двадцать три года до ваших, моя девочка, – фыркнула мистрис Койл. – По сравнению с вами мы сюда, можно сказать, на паровозе приехали.

– А с вашим что случилось? – любопытно спросил Брэдли, выставляя настройки зонда.

– Крушение с нашим случилось. И со всем остальным тоже. У меня едва еды хватило.

– Эй, – насколько могла мягко и утешительно сказала Симона. – Но ты смогла. Ты выжила.

Она собралась было обнять меня...

– Осторожнее, – предупредила я. – У меня обе лодыжки сломаны.

– *Виола...* – в ужасе отшатнулась она.

– Слушай, я же живая, – сказала я. – Но живая исключительно благодаря Тодду, понятно? И сейчас он в беде там, внизу. Симона, я *должна* ему помочь...

– Только и думает, что о своем мальчишке, – пробормотала мистрис Койл. – Первым делом личные интересы, а там хоть трава не расти.

– Потому что лично для тебя никто ничего не значит, вот ты и готова весь мир к чертям взорвать!

К ЧЕРТЯМ, подумал Желудь, нервно переступая с ноги

на ногу у меня за спиной.

Симона уставилась на него, наморщив лоб.

– Так, минуточку...

– Готов! – Брэдли отступил, наконец, от зонда. В руке у него был маленький пульт управления.

– Откуда он знает, куда лететь? – спросила мистрис Койл.

– Я запрограммировал его на ближайший источник света.

Эта модель с ограниченной шириной охвата, но на несколько холмов его хватить должно.

– А его можно заставить найти конкретного человека? – тут же загорелась я.

И умолкла – потому что ночное небо вдруг снова окатило тем же заревом, что я видела по дороге сюда. Все посмотрели в сторону города.

– Запускай его! – крикнула я. – Запускай скорее!

[ТОДД]

Я выпалил из ружья, не успев даже подумать, а хочу ли этого...

БАММ!

К отдаче я был не готов. Меня крепко садануло в ключицу, я схватился за поводья, чтобы не упасть, и описал верхом на Анггаррад полный круг, прежде чем разглядел наконец...

Спакла...

Лежащего передо мной на земле...

(с ножом, торчащим из...)

С огнестрельной раной и кровью по всей груди...

– Недурной выстрел, – одобрил мэр.

– Ты опять это сделал! – рявкнул я в ответ. – Я велел тебе держаться подальше от моей головы!

– Даже если нужно спасти тебе жизнь, Тодд? – кротко осведомился он, стреляя из ружья.

Упал еще один спакл.

Я развернулся...

Они все еще наступали.

Я прицелился в спакла, натянувшего лук и держащего на мушке солдата...

Я выстрелил...

Но специально взял в сторону в последний момент и напроць промахнулся...

Спакл отпрыгнул. Это сработало.

– Так войны не выигрывают, Тодд! – крикнул мэр, стреляя в спакла, которого я пощадил, попадая ему в подбородок и посылая в недолгий полет. – Ты сказал, что готов убивать за нее? – мэр обвел стволом округу, ища следующую жертву. – Ты за свои слова отвечаешь?

Снова свист стрелы...

И ужасный, умопомрачительный вопль снизу...

Анггаррад.

Ей попали в правую заднюю ляжку...

МАЛЬЧИК! ЖЕРЕБЕНОК! – провизжала она.

Я не раздумывая протянул руку и попытался схватить древко и одновременно не свалиться с прыгающей от боли кобылы... хрясь! деревяшка переломилась у меня в пальцах, обломанный конец так и остался торчать у нее в ноге МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК! МАЛЬЧИК! – я попробовал ее успокоить штобы она меня не скинула в бурлящую вокруг сплошную массу солдат...

Тут-то оно опять и случилось...

ВВВУХХХ!

Колоссальная вспышка. Я обернулся поглядеть...

Еще одна огневая пушка у подножья холма.

Огонь хлынул со спины рогатого зверя и врезался прямо в гущу солдат. Люди кричали горели... кричали... горели... и солдаты разворачивались и бежали ломая порядки и Ангаррад вертелась вскидывалась на дыбы визжала и брызгала кровью и волна беглецов нахлынула на нас и она снова сделала свечку и я...

...уронил ружье...

И огонь шел вверх и вширь...

И люди бежали...

И все заволок дым...

Внезапно Ангаррад как-то выкрутилась из этой каши на пустое место... где армия оказалась позади... а спаклы – спереды, и ружья у меня больше не было, а где мэр, я не знал.

И тот спакл на спине рогача с огненной машиной нас увидел...

...и двинул свою тварь прямо на нас.

[ВИОЛА]

Брэдли нажал экран на пульте управления. Зонд легко вспорхнул с земли – вертикально вверх и практически беззвучно (за исключением тихого *з-зип*). Повисев секунду над нами, он развернул крылышки и взял курс на город – так быстро, что я даже не заметила, как он свалил: вот только что был и нет его.

– Ого, – вполголоса выразилась мистрис Койл, провожая его глазами. – И мы сможем видеть, что там происходит?

– И слышать. До некоторой степени.

Он снова нажал экран, повозил по нему большим пальцем, настраивая; на краю устройства вспыхнул свет и выдал трехмерную проекцию, которая просто повисла в воздухе – ярко-зеленая из-за режима ночного видения. Внизу неслись деревья, промелькнула дорога, несколько размытых бегущих человеческих пятнышек...

– Как далеко отсюда до города? – спросил Брэдли.

– Километров десять? – предположила я.

– Значит, сейчас увидим...

И зонд действительно был уже там, на окраине, летел над горящими зданиями, которые успел поджечь Ответ, над руинами собора, над толпами людей, в панике бегущих с площади...

– Бог мой... Виола... – прошептала Симона, поворачиваясь ко мне и...

– Он летит дальше, – перебила мистрис Койл, не отрывавшая глаз от картинки.

Он и правда летел – мимо площади и дальше, по главной дороге.

– Самый яркий источник света... – начал объяснять Брэдли... но не закончил.

Потому что мы увидели, что было самым ярким источником света.

[ТОДД]

Повсюду горели люди...

Повсюду...

Огонь и крик...

И жуткий запах жареного мяса...

Я с трудом перехватил рвоту уже где-то на выходе.

А спакл все так же ехал в мою сторону...

Он стоял на спине рогатого зверя, сунувши ноги в такие стремяна типа цельных сапог по обе стороны седла, так што

можно было торчать в них стоймя, не боясь потерять равновесие...

И в каждой руке у него было по горящему факелу, впереди – эта самая двузубая штука...

И в его Шуме...

У него в Шуме я увидел *себя*...

Нас с Анггаррад, одних, посреди пустоты...

И как она визжит и вертится со сломанной стрелой в боку...

А я смотрю на него...

Таращусь во все глаза...

И ружья у меня нет...

А за мной самое слабое место строя...

И у себя в Шуме спакл уже стрелял в равнину языком огня и слизывал меня и тех, кто за мной...

Открывая спаклам ход прямо в город, и они уже текут туда, как...

И война для них выиграна, еще даже толком не начавшись...

Я натянул поводья и попытался стронуть кобылу с места но боль и ужас так стреляли молниями через ее Шум и она продолжала вопить МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК! и ТОДД! и у меня сердце рвалось пополам от этих криков и я завертелся пытаясь найти мэра да хоть кого-нибудь кто сейчас одним

выстрелом снимет этого спакла со спины рогатой твари...

Да только мэра нигде было не видно...

Один только дым и люди в панике...

И никто не подымал ружье, не целился, не стрелял...

Зато спакл уже подносил факелы к этой своей рогатине...

И я думаю *Нет*...

Я думаю *Невозможно, чтобы оно вот так закончилось*...

Я думаю *Виола*...

Я думаю *Виола*...

И потом думаю *Виола?*

Может, оно и на спакле сработает?

Я приподнялся на седле как можно выше...

И подумал, как она скачет прочь на Дэйвином коне...

И у нее сломаны обе лодыжки...

И подумал, как мы говорим друг другу, что никогда не расстанемся, даже в голове...

Ее пальцы переплелись с моими...

(А о том, что она скажет, когда узнает, что я отпустил мэра, нет, не думаю...)

Я просто думаю *Виола*...

И даже **ВИОЛА**...

Прямо в спакла на рогатом звере...

Я думаю...

ВИОЛА!

И голова у спакла отдергивается назад, и он роняет оба своих факела и падает назад, через спину рогача, выскальзывает из этих его сапог и на землю... и его скотина от внезапного изменения веса поворачивает назад, врезаются в шеренгу наступающих спаклов, сшибает их с ног, расшвыривает во все стороны...

А за мной раздаётся ликующий вопль...

Я оборачиваюсь... Солдаты встают, собираются, мчатся вперед, словно река, мимо меня, обтекая, огибая со всех сторон...

– Превосходная работа, Тодд, – мэр уже здесь, внезапно снова рядом. – Я знал, что в тебе это есть.

Ангаррад уже едва стояла подо мной, но все равно звала...

**МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК? МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК?
ТОДД?**

– Нет времени отдыхать, – отрезал мэр.

И я поднял глаза и увидел все ту же гигантскую стену спа-
клов, сходящую вниз по холму, как лавина... Сходящую со-
жрать нас заживо...

[ВИОЛА]

– О мой бог, – пробормотал Брэдли.

– Это... – выдохнула Симона, делая шаг к проекции. –
Это они... горят?

Брэдли нажал что-то на пульте, и картинка вдруг подье-
хала ближе, и...

И да, они действительно горели.

Сквозь полосы дыма мы видели хаос... бегущих в разные
стороны людей... кто-то ломил вперед, кто-то пробивался
назад...

А некоторые просто горели...

Горели, горели, и кто-то, горя, пытался бежать к реке, а
кто-то падал на землю и просто лежал и уже не шевелился.

И я только думала *Todd*.

– Но ты же сказала, они заключили перемирие! – Симона
резко развернулась к мистрис Койл.

– После кровавой войны, которая унесла жизни сотен из
нас и тысяч из них, – безжизненно кивнула та.

Брэдли снова что-то перенастроил, и камера отъехала назад, показывая дорогу и подножье холма, заполненные невозможными толпами спаклов в каких-то красновато-коричневых доспехах... с какими-то длинными палками... верхом на...

– А это еще что такое? – я ткнула пальцем в проекцию... в это громадное, словно танк, существо, топающее вниз по дороге, с единственным толстым рогом, торчащим из носа.

– Боероги, – отозвалась мистрис Койл. – По крайней мере, так их зовем мы. У спаклов нет устного языка, только визуальный... но это и неважно. Если они сейчас сомнут армию мэра... они продолжат наступать и перебьют нас всех.

– А если он победит? – спросил Брэдли.

– Если он победит их, его контроль над этой планетой станет абсолютным, и, поверьте, это будет не такое место, где вы захотели бы жить.

– А если бы абсолютным стал *твой* контроль? – бросил Брэдли с неожиданным огнем в голосе. – Что *это* получилось бы за место?

Мистрис Койл даже заморгала от неожиданности.

– Брэдли... – начала было Симона

Но я их больше не слушала...

Я смотрела на проекцию...

Где камера уехала немного вниз по холму и южнее...

И там был *он*...

Прямо посреди всего этого...

В окружении солдат...

Он бился со спаклами...

Todd, прошептала я...

И в следующий миг увидела человека верхом рядом с ним...

В животе у меня что-то упало.

Мэр был рядом с ним.

Несвязанный, свободный, в точности как сказала мистрис Койл...

Todd его отпустил...

Или мэр его заставил.

И сейчас Тодд был на самом переднем крае битвы...

А потом поднялся дым, и он исчез.

– Приблизь камеру! – вскрикнула я. – Тодд там, во всем этом!

Брэдли забегал пальцами по экрану (мистрис Койл стрельнула в меня глазами), и камера зарыскала по полю сражения... по кишасшим повсюду телам, мертвым и живым, человеческим и спачьим, и вот уже в упор непонятно, где кто, с кем ты дерешься, как вообще можно стрелять хоть из какого оружия, не боясь попасть в своего...

– Мы должны вытащить его оттуда! – воскликнула я. – Мы должны его спасти!

– Восемь часов, – напомнила Симона, качая головой. – Мы не можем...

– Нет! – рявкнула я, ковыляя обратно к Желудю. – Я должна до него добраться...

Но тут рот открыла мистрис Койл.

– У вас же есть на этом катере какое-то оружие, так?

Я развернулась обратно.

– Вы не стали бы садиться невооруженными.

Никогда еще я не видела у Брэдли такого сурового лица.

– Это вас совершенно не касается, мадам...

Но Симона уже отвечала ей.

– У нас на борту двенадцать двухпунктовых ракет направленного действия...

– *Нет!* – воскликнул он. – Мы здесь не для этого. Мы пришли, чтобы *мирно* поселиться на этой планете...

– ...и стандартный комплект гроздочек, – закончила Симона.

– Гроздочек? – не поняла мистрис Койл.

– Вид небольших бомб, – объяснила Симона. – Сбрасываются партиями, но...

– Симона, – яростно вмешался Брэдли. – Мы здесь не для того, чтобы сражаться с...

– Что-нибудь из этого годится для стрельбы с севшего корабля?

Мистрис Койл даже его не слушала.

[ТОДД]

Мы наступали...

Наступали наступали наступали...

Прямо на строй атакующих спаклов...

Их было так много...

И Анггаррад все визжала подо мной от боли и страха...

Прости меня, девочка, прости...

Но времени все равно не было...

Ни на что на этой войне нет времени, кроме... *войны...*

– Возьми, – мэр сунул мне в руку новое ружье.

И во главе небольшого отряда людей мы...

понеслись навстречу куда большему отряду спаклов...

и я целился из ружья...

И нажимал курок...

БАХ!

В момент выстрела я конечно закрыл глаза и не смотрел куда стреляю но в воздухе все равно было столько дыма и со всех сторон падали спаклы и люди кричали и Анггаррад орала но все равно скакала вперед и спачьи доспехи треска-

лись и лопались под неустанным огнем и еще стрелы и еще белые палки и мне было так страшно што я едва дышать мог и только палил из ружья и палил из ружья и даже не видел куда летят пули...

А спаклы все наступали лезли через кучи солдатских тел и Шум у каждого был широко распахнут и у всех солдат тоже вообще у всех здесь на поле и словно тысяча войн шла сразу а не только одна та что видел я но все отражалось и повторялось и бушевало в каждом Шуме человека и спакла повсюду вокруг и вот уже весь воздух и небо и мозг и душа все было полно войной и война кровью хлестала у меня из ушей и я с кровью сплевывал ее изо рта и кажется больше ничего в жизни не знал только войну ничего больше не помнил никогда ничего больше не было и никогда не будет...

И какой-то шипящий звук и руке вдруг стало очень горячо и я инстинктивно отшатнулся но увидел как спакл целится в меня из своей белой палки и кусок рукава на мне сгорает облаком вонючего дыма а кожа под ним как будто огрели с размаху всей пятерней и наверняка еще дюйм и я бы потерял руку и...

БАХ!

Рядом грохнул выстрел и это был мэр он застрелил спакла уложил наземь и обернулся ко мне...

– Уже дважды, Тодд!

...и нырнул обратно в гущу битвы.

[ВИОЛА]

Брэдли начал что-то отвечать мистрис Койл, но его перебила Симона.

– Да, можем.

– Симона! – рявкнул Брэдли.

– Но в кого мы будем стрелять? – продолжала она. – В какую армию?

– В спаклов, конечно! – закричала мистрис Койл.

– Всего секунду назад ты хотела, чтобы мы помогли остановить президентскую армию! – сказал Брэдли. – А Виола утверждает, что ты пыталась убить ее ради собственной выгоды. И с какой же стати мы станем доверять твоему суждению?

– Ни с какой! – воскликнула я.

– Даже когда я права, моя девочка? – она свирепо ткнула в проекцию. – Они проигрывают битву!

...в более темном фронте людей зиял прорыв, и в него как река, потерявшая берега, текли спаклы.

Тодд, подумала я, уходи уходи оттуда.

– Мы могли бы ударить двухпунктовой в самый низ хол-

ма, – сказала Симона.

– И сделать нашим первым поступком на этой планете уничтожение сотен представителей аборигенного вида? – не поверил своим ушам Брэдли. – *Разумного* аборигенного вида, рядом с которым, если ты вдруг забыла, нам предстоит жить бок о бок *до конца нашей жизни?*

– Очень короткой жизни, если вы не поторопитесь и не сделаете *хоть что-нибудь!* – почти заорала мистрис Койл.

– Мы могли бы просто показать им нашу огневую мощь, – сказала ему Симона. – Заставить отступить, а потом попытаться начать переговоры...

Мистрис Койл презрительно щелкнула языком.

– С ними нельзя вести переговоры!

– Вы же вели! – бросил Брэдли, не глядя на нее. – Слушай, Симона, ты хочешь, чтобы мы вляпались прямоком в *войну?* Безо всякого понятия, *какой* стороне доверять? Просто взорвем что попало и понадеемся, что последствия будут не слишком ужасны?

– Там люди умирают! – завопила уже благим матом мистрис Койл.

– Люди, которых ты только что просила нас **УБИТЬ!** – оборвал ее Брэдли. – Если президент действительно устроил геноцид, возможно, они пришли мстить *только ему*, и наша атака еще больше все испортит!

– Хватит! – внезапно рявкнула Симона голосом командира экипажа.

Брэдли и мистрис Койл умолкли.

– Виола? – Симона посмотрела на меня.

Все они посмотрели на меня.

– Ты там была, – продолжала Симона. – Как, *по-твоему*, мы должны поступить?

[ТОДД]

Мы проигрывали...

Без вариантов...

То, што я сбил спакла с рогача, улучшило положение только на время...

Люди наступали и палили из ружей, спаклы падали и умирали...

Но с холма спускались новые спаклы...

И их было гораздо гораздо больше, чем нас...

Единственное, што нас до сих пор спасало, – они пока еще не стащили сверху по дороге вторую такую огненную штуковину...

Но они шли...

Они шли...

И когда они сойдут...

Я ЕСТЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

Ударило мне в голову, когда конь мэра почти врезался в Ангаррад – бедняга уже так устала, что и головы поднять не могла.

– Сосредоточься на настоящем! – он выпалил из ружья куда-то мимо меня. – Иначе все будет потеряно!

– Все и так потеряно! – огрызнулся я. – Нам их не победить!

– Ночь всегда темнее перед рассветом, Тодд.

Я обескураженно уставился на него.

– Да ничего подобного! Што это еще за идиотская поговорка? Перед рассветом всегда *светлее!*

ВНИЗ! – прозвучало у меня в голове, и я пригнулся без единой мысли в голове. Через то место, где только што была моя голова, вжикнула стрела.

– Трижды, Тодд, – заметил мэр.

И снова взревел спачий рог, так оглушительно, што звук было почти што *видно* – он согнул воздух, раздавил его, закрутил, и теперь в нем был словно новый голос...

Голос победы.

Мы обернулись.

Строй солдат прорван...

Мистер Морган валяется под ножищами рогатой твари...

Спаклы водопадом хлещут вниз по холму...

На поле, со всех сторон сразу...

Прорезая, сминая еще сражающихся людей...

Идут волной стеной идут на нас с мэром...

– Готовсь! – кричит мэр.

– Мы должны отступить! – кричу я в ответ. – Надо убираться отсюда!

И пытаюсь развернуть несчастную Ангаррад...

но бросаю взгляд назад и вижу...

Спаклы обошли нас кругом...

Мы взяты в клещи.

– Готовсь! – кричит мэр прямо в Шум солдат, всех наших солдат...

Виола думаю я...

Их слишком много думаю я...

помогите думаю я...

– Драться до последнего человека! – приказывает мэр.

[ВИОЛА]

– *Она?* – взвилась мистрис Койл. – Она всего лишь *девочка!*

– Девочка, которой мы доверяем, – отрезала Симона. – Девочка, прошедшая подготовку поселенца, как и ее родители.

Мне в щеки кинулся жар – и лишь отчасти от смущения. Это была чистая *правда*. Меня действительно к этому готовили. И я достаточно много пережила на этой планете, чтобы мое мнение имело вес.

Я снова посмотрела на проекцию, на поле битвы – поло-

жение там, кажется, ухудшалось на глазах. Думай, думай... Все выглядело ужасно донельзя, но спаклы напали не на пустом месте. Возможно, им действительно нужен мэр и только он, и ведь мы уже один раз его побили, но, с другой стороны...

– Твой Тодд сейчас там, – сказала мистрис Койл. – И его непременно убьют, если ты ничего не сделаешь.

– Думаешь, я не в курсе? – вызверилась я... потому что в нем-то все и дело – он перевешивал все; я повернулась к Симоне и Брэдли. – Простите, но мы *должны* его спасти. Должны! Мы уже почти спасли всю планету... когда они все испортили...

– Спаси его ценой чего-то более важного? – Брэдли говорил мягко, но очень серьезно, пытаюсь переключить меня, заставить увидеть... – Подумай как следует, Виола. То, что ты делаешь первым – неважно где, – запоминается *навсегда*. Оно определяет все будущее.

– Я не собираюсь верить этой женщине, Виола, – сказала Симона, и мистрис Койл прожгла ее взглядом. – Но это не значит, что она не может правильно оценить ситуацию. Если ты скажешь «да», мы вмешаемся.

– Если ты скажешь да, Виола, – эхом подхватил Брэдли, – мы начнем нашу жизнь здесь как завоеватели, а ты подаришь всем грядущим поколениям череду новых войн.

– Ради бога! – в отчаянии возопила мистрис Койл. – Сила сейчас *здесь*, Виола! Здесь, сейчас мы можем изменить все!

Не для меня, моя девочка, – для *тебя*, для *Тодда*! Твое решение может положить всему этому *конец*!

– Или, – возразил Брэдли, – дать начало чему-то еще хуже.

Все трое смотрели на меня. Я снова впилась взглядом в проекцию. Спаклы уже разняли строй людей и лились внутрь, и все больше их наступало с холма...

И там, внизу, был Тодд...

– Если ты немедленно ничего не предпримешь, – сказала мистрис Койл, – твой парень погибнет.

Тодд подумала я...

Я правда начну новую войну, только чтобы спасти тебя?

Я...

– Виола? – до меня донесся голос Симоны. – Как нам будет правильно поступить?

[ТОДД]

Я конечно стреляю но кругом так много спаклов и людей всех вперемешку што приходится брать прицел сильно выше штобы точно не задеть никого из наших но поэтому я и в спаклов не попадаю и вот уже один опять прямо передо мной со своей белой палкой и тычет ей прямо в голову Ангаррад и я размахиваюсь со всей силы прикладом ружья и въезжаю ему крепко за ухом слишком высоко посаженным ухом и он валится но за ним уже торчит другой и прыгает и хватает меня за руку а я думаю **ВИОЛА** ему прямо в рожу и его от-

брасывает назад но тут меня что-то дергает за другой рукав это через него пролетела стрела чудом не воткнувшись мне в мягкое место прямиком под челюстью и я тяну Ангаррад за поводья чтобы развернуть потомуш тут вообще никак не остаться в живых и надо бежать но солдату рядом прилетает из белой палки и мне все лицо окатывает брызгами крови я отворачиваюсь и не вижу куда еду и тащу за собой Ангаррад а в голове в голове в голове посреди всего этого Шума я слышу как люди умирают и спаклы умирают и вижу в Шуме как они умирают даже с закрытыми глазами и я думаю только...

Вот *это* и есть война?

Этого мужчины так сильно хотят?

Это делает их *мужчинами*?

Смерть летит тебе в лицо с ревом и громом так быстро што ничего нельзя с этим поделат'...

И я слышу голос мэра...

– **ДЕРИТЕСЬ!** – кричит он...

Голосом и Шумом сразу...

ДЕРИТЕСЬ!

Я стираю кровь открываю глаза и ясно как день што кро-

ме войны в мире больше нет ничего и не будет пока мы все не умрем и вон мэр на Морпете оба покрыты кровью и всадник и конь и он дерется с такой яростью што я слышу его Шум прямо ушами и он холоден как лед и твердит ДО КОНЦА ДО КОНЦА ДО КОНЦА...

Я ловлю его взгляд...

И понимаю, што вот он, действительно, конец...

Мы проиграли...

Их слишком много...

Мы проиграли...

И хватаюсь за гриву Ангаррад обеими руками и стискаю кулаки и думаю *Виола*...

И тогда...

Вся нижняя часть холма, по которому вниз идут спаклы, взрывается вихрем огня земли и мяса...

Тучей вздымается в воздух, покрывая все вокруг, орошая нас камнями грязью и ошметками спаклов...

И Ангаррад визжит и оба мы падаем куда-то вбок и валимся наземь и повсюду орут люди и спаклы и бегут куда попало а нога у меня застряла под Ангаррад которая извивается и пытается встать и мимо несется мэр...

И я слышу его *хохот*...

– Што за черт это было? – ору я ему.

– ДАР! – он летит через дым и грязь и кричит людям. – ВПЕРЕД! В АТАКУ! В АТАКУ!

[ВИОЛА]

Мы снова вперились в проекцию.

– Это что сейчас было? – спросила я.

До нас донесся внезапный *буммм*, но зонд показывал только плотную стену дыма. Брэдли подкрутил настройки пульта, и камера пошла вверх, но дым покрывал абсолютно все.

– Он записывает? – вмешалась Симона. – Можешь отмотать назад?

Еще немного манипуляций с экраном, и картинка побежала назад, в облако, дым начал всасываться в центр...

– Вот! – воскликнул Брэдли и снова пустил запись вперед, но на сей раз в замедленном режиме.

Битва. Хаос. Ужас. Все как и было. Людей захлестывает волна спаклов...

И тут...

БУМММ!

Подножье холма просто взрывается. Внезапное свирепое извержение. Земля, камни, тела спаклов и их зверюг летят во все стороны, кадр быстро заволакивает дым.

Брэдли снова перемотал, и мы посмотрели еще раз. Небольшая вспышка – и вот уже целый кусище холма вырывает с корнем и подбрасывает в воздух, и повсюду гибнут спаклы...

Гибнут и гибнут, и гибнут.

Десятками.

Мне пришел на память тот, на реке...

И его *страх*...

– Это вы? – Симона повернулась к мистрис Койл. – Это ваша армия вступила в бой?

– У нас нет *ракет*, – та не отрывала глаз от экрана. – Если бы были, я бы вас не просила применить ваши.

– Тогда откуда же она взялась?

Брэдли еще повозился с пультом, и картинка сделалась ближе и чище. На самом медленном режиме мы увидели, как что-то маленькое летит и вонзается в подножье холма... и еще медленнее – как вспучивается и брызжет во все стороны земля и рвутся на куски тела спаклов и какая разница что у них были за жизни кого они любили как их зовут или звали...

Просто куски тел – во все стороны...

Просто кончаются жизни...

Мы сделали это с ними, мы *заставили* их напасть, мы поработщали и убивали их... по крайней мере, мэр – да...

И мы снова их убиваем, здесь, сейчас...

Симона и мистрис Койл уже о чем-то спорили, но я их почти не слушала...

Потому что я знала.

Когда Симона спросила меня, что делать...

Я собиралась сказать: стреляйте.

Запускайте ракету.

Я *сама* собиралась причинить все вот это. Сказать: да, да-
вайте, огонь...

Убить всех этих спаклов... у которых была *настоящая*
причина напасть на тех, кто заслуживает этого больше всех
на планете...

И если бы даже это спасло Тодда, какая разница – я все
равно собиралась обречь их на смерть...

Я бы убила сотни, *тысячи*, чтобы спасти Тодда.

Я бы еще бóльшую войну устроила ради него.

И все это... понимание было таким огромным, что мне
пришлось схватиться за Желудя.

Иначе я бы упала.

Дальше до меня долетел голос мистрис Койл, которая, на-
конец, перекричала Симону:

– Это может означать только одно: он сам все это время
строил себе артиллерию!

[ТОДД]

Посреди дыма и воплей Ангаррад кое-как сумела под-
няться на ноги. Шум ее теперь был пуст и не говорил ниче-
го вообще, но от этого мне стало за нее реально страшно.
Но она хотя бы стояла, и я оглянулся назад и увидел, откуда
пришел выстрел...

Другие подразделения.

Те, которые с мистером Тейтом и мистером О'Хеа, забивавшие остаток солдат и вооружений, о которых тогда говорил мэр.

Вооружений, про которые я, оказывается, и понятия не имел.

– Секретное оружие работает, только если оно и правда секретное, – сказал мэр, подъезжая ко мне.

С широкой улыбкой на лице.

С городской дороги катила целая волна солдат, сотни и сотни – свежие, вопящие, готовые к битве...

А спаклы уже оборачивались...

Глядели вверх, пытаюсь понять, есть ли какой-то путь через то место, где земля взорвалась...

И была еще одна вспышка, и над головами у нас что-то просвистело...

Я дернулся, Анггаррад взвизгнула, и в холме пробило еще одну дыру...

И снова воздух наполнился дымом, землей и кусками спачьих тел, и кусками тел рогатых зверюг.

Мэр и бровью не повел, только смотрел, как новые солдаты затопляют равнину вокруг, а в армии противника наступают хаос и смятение, и они поворачивают и пытаются бежать...

И их отрезают наши новоприбывшие...

Дыхание тяжело вырывается из груди...

Поток разворачивается...

Я раскрываю рот, чтобы сказать...

Я должен сказать...

(заткнись)

При виде этой картины меня охватывает...

(заткнись, я сказал)

...облегчение и восторг, и кровь стучит в голове... – когда я вижу, как падают спаклы...

(заткнись заткнись *заткнись*)

– И как ты сейчас себя чувствуешь, Тодд? – осведомился мэр.

Я обернулся к нему – кровь и грязь уже подсыхали на лице; повсюду кругом валялись тела: люди, спаклы; новый, светлый, яркий Шум заливал воздух... я даже и не думал, што он может стать *еще громче*...

– Ну, смотри! – сказал мэр. – Вот что это такое – быть на победившей стороне.

И он поехал прочь, навстречу новым солдатам.

А я – за ним, ствол на изготовку, но не стреляя... Оглядываясь по сторонам, ощущая...

Этот трепет, волнение...

Потомуш это оно и есть...

Грязная, грязная тайна войны...

Когда ты победил...

Когда победил – это на хрен *круто*...

Спаклы бежали вверх по холму, карабкались через завалы

– и бежали...

От нас!

И я взял прицел...

Прицелился в спину бегущего спакла, первого попавшегося...

Палец на курке...

Одно маленькое движение и...

Спакл спотыкается о тело другого спакла... и оно там не одно – два тела, три...

А потом дым рассеялся, и я увидел больше... тела повсюду, люди и спаклы, и рогатые твари...

И я уже снова в монастыре, где тела навалены на тела, и кучи, кучи тел...

И волнение все куда-то делось.

– ГОНИТЕ ИХ ВВЕРХ ПО ХОЛМУ! – крикнул мэр своим солдатам. – ПУСТЬ ПОЖАЛЕЮТ, ЧТО НА СВЕТ РОДИЛИСЬ!

[ВИОЛА]

– Она заканчивается, – сказала я. – Битва заканчивается.

Брэдли снова пустил трансляцию на самотек. Мы наблюдали за прибытием остальной армии.

Видели второй взрыв.

Видели, как спаклы разворачиваются и пытаются бежать по своим же, по развороченному холму, и всюду был хаос,

кто-то падал в реку, на дорогу вниз, прямо в гущу битвы, где никто не оставался в живых надолго.

От такого количества смертей кругом мне чуть не стало дурно, лодыжки снова проткнуло болью, да так, что пришлось привалиться к Желудю...

А остальные спорили.

– Если он *такое* может, – говорила мистрис Койл, – значит, он еще опаснее для вас, чем я предполагала. Вы правда хотите, чтобы он стоял во главе мира, в котором вы собираетесь жить?

– Не знаю, – возражал Брэдли. – Хотите сказать, что вы – единственная альтернатива?

– Брэдли, – это уже Симона, – между прочим, в ее словах есть смысл.

– Да ну?

– Мы не можем основать здесь новое поселение посреди всей этой войны. Эта планета – наше последнее место назначения. Кораблям больше некуда лететь. Нам придется найти способ жить *здесь*, и если этот человек представляет опасность...

– Мы можем высадиться в какой-нибудь другой точке планеты.

Мистрис Койл со свистом втянула воздух сквозь зубы.

– Но вы же так не поступите!

– Нет такого закона, что мы обязаны присоединиться к прошлым поселенцам, – повернулся к ней Брэдли. – Мы ни-

когда не получали от вас никаких сообщений и пришли к выводу, что вы и не хотели выходить на связь. Мы можем просто оставить вас воевать друг с другом. Найти себе другое место и начать жизнь заново.

– И *бросить их*? – потрясенно воскликнула Симона.

– Вам все равно рано или поздно придется воевать со спаклами, – покачала головой мистрис Койл. – И рядом не будет никого опытного, чтобы вам помочь.

– ...в каковом случае мы окажемся втянуты в войну и со спаклами, и с людьми, – отрезал Брэдли. – И, видимо, в конечном итоге *с вами*.

– Брэдли... – начала Симона.

– *Нет*, – перебила я, достаточно громко, чтобы меня все услышали.

Потому что я до сих пор глядела в проекцию – на то, как умирали спаклы и люди...

И думала о Тодде и обо всех тех смертях, которые с готовностью причинила бы ради него...

От этих мыслей у меня кружилась голова.

И нет, я больше не хотела оказаться в таком положении. Никогда.

– Никакого больше оружия, – сказала я. – Никаких бомбежек. Спаклы отступают. Мы уже один раз побили мэра и, если придется, сделаем это снова. И то же самое насчет перемирия со спаклами.

Я посмотрела прямо в глаза мистрис Койл, лицо которой

затвердело при этих словах.

– Никаких больше смертей – если это хоть как-то будет от меня зависеть. Даже ради армии, которая этого заслуживает, будь она человечесьей или спачьей. Мы найдем мирное решение.

– Хорошо сказано, – с чувством кивнул Брэдли и посмотрел на меня тем своим взглядом, который я так хорошо помнила, полным доброты, любви и гордости за меня – таких яростных, что они почти обжигали.

И я отвела глаза – потому что помнила, как близка была к тому, чтобы отправить ракету в полет.

– Ну, раз вы все так в этом уверены, – голос мистрис Койл был холоден, как дно реки, – я пошла. Мне еще жизни спастись.

И прежде чем ее кто-то успел остановить, она была такова. Побежала к своей телеге и укатила в ночь.

[ТОДД]

– БЕЙТЕ ИХ! – орал мэр. – ГОНИТЕ ВВЕРХ!

Неважно даже, што именно он орал – да хоть названия фруктов! – солдаты все равно затопляли нижнюю часть дорожного зигзага, лезли через завалы на месте взрыва, наступали лезших впереди спаклов, стреляли в них.

Мистер О’Хеа возглавлял ведущий атакующий отряд, а вот мистера Тейта мэр остановил и подозвал к нам, туда, где мы

стояли, на равнине внизу.

Я соскочил с Анггарад, штобы рассмотреть стреловую рану у нее в ляжке. Рана оказалась не так уж плоха, но кобыла все равно молчала, не говорила ничего у себя в Шуме – никаких даже нормальных лошадиных звуков. Одна тишина. Кто его знает, што это значило, но вряд ли што-то хорошее.

– Девочка? – я попытался ласково, спокойно погладить ей бочину. – Мы тебя зашьем, девочка, не волнуйся, ладно? Мы тебя починим, будешь как новенькая, слышишь, девочка?

Но она только стояла, свесив голову к земле, капала пеной с губ, лоснилась потом на боках.

– Простите, што задержались, сэр, – говорил у меня за спиной мэру мистер Тейт. – Надо еще поработать над их мобильностью.

Я кинул взгляд туда, где располагалась артиллерия. Четыре громадные пушки сидели на стальных телегах, которые волокли изможденного вида волю. Металл пушек... он был черный, толстый и выглядел так, словно прикидывал, как бы так почище скovyрнуть тебе череп с плеч. Оружие... тайное оружие, выстроенное где-то подальше от города... и людей, што его строили, держали отдельно, штоб никто не слышал их Шума. Оружие, которое собирались использовать против Ответа, готовое разнести их на мелкие кусочки, без проблем, сэр, и теперь сделавшее то же самое со спаклами.

Безобразное, зверское оружие... сделавшее мэра Прентисса еще сильнее.

– Оставляю все улучшения на вас, капитан, – отвечал мэр. – В ваших умелых руках. А сейчас отыщите капитана О’Хеа и передайте, чтобы отступал к подножью холма.

– Отступал? – невольно воскликнул мистер Тейт.

– Спаклы бегут, – мэр кивком показал на дорогу – она была практически чиста, спаклы скрылись за гребнем холма, в верхней долине. – Но кто знает, сколько их там, наверху, на дороге? Возможно, тысячи. Они перегруппируются и вырабатывают новый план. Мы здесь поступим так же и будем готовы встретить их лицом к лицу.

– Есть, сэр!

И мистер Тейт поскакал прочь.

Я приник к Ангарад, вжался лицом ей в бок, закрыл глаза... но все равно видел все в Шуме: спаклов, людей, битву, огонь, смерть, смерть и смерть...

– Ты хорошо справился, Тодд, – мэр подъехал сзади почти вплотную. – Просто превосходно.

– Это было... – начал я, но замолчал.

Потому как... што? што это было?

– Я горжусь тобой, – выдал он.

Я обернулся к нему с таким лицом, што он расхохотался.

– Я действительно горд. Ты не сломался, выдержал невероятное напряжение, не потерял головы. Сохранил коня, даже несмотря на рану. И, что важнее всего, ты сдержал свое слово, Тодд.

Я посмотрел ему в глаза... в эти черные глаза цвета при-

речных скал.

– Ты действовал как мужчина, Тодд. Воистину это так.

И в его голосе была правда. В словах была правда.

Но ведь у него это всегда так, не забыл?

– Я ничего не чувствую, – произнес я. – Ничего, кроме ненависти – к тебе.

Он лишь улыбнулся.

– Возможно, сейчас это выглядит по-другому, Тодд, – сказал он, – но потом ты будешь вспоминать это как день, когда ты, наконец, стал мужчиной. – Его глаза сверкнули. – Как день твоего превращения.

[ВИОЛА]

– Кажется, у них там все кончилось, – заметил Брэдли, глядя в проекцию.

На дороге образовался водораздел. Мэрские люди отступали в свою сторону, а спаклы – в свою, оставляя посередине пустой, голый холм. Теперь вся армия мэра была на виду – огромные пушки, которые он невесть как раздобыл; солдаты перестраиваются в какой-то новый порядок у основания холма... наверняка готовятся к следующей атаке.

И... боже, Тодд.

Я, наверное, вслух выкрикнула имя. Брэдли тут же приблизил картинку – к той точке, куда я тыкала пальцем. Сердце припустило вскачь, потому что там стоял Тодд, привалив-

шпись к боку Анггаррад, – живой, живой, живой...

– Тот самый твой друг? – спросила Симона.

– Да! Это Тодд, он...

Я замолчала.

Потому что там, на картинке, к Тодду подъехал мэр.

Подъехал и завел разговор как ни в чем не бывало.

– А это там не тиран, часом? – полюбопытствовала Симона.

Я вздохнула.

– Все сложно...

– Да, – отозвался Брэдли. – Мне тоже так показалось.

– Нет, – твердо отрезала я. – Если когда-нибудь вы хоть в чем-то здесь усомнитесь, если не будете знать, что думать и кому верить, – верьте Тодду, понятно? Запомните это.

– Хорошо, – улыбнулся мне Брэдли. – Мы запомним.

– Правда, остается еще один большой вопрос, – вмешалась Симона. – Нам-то что теперь делать?

– Мы думали обнаружить здесь мертвые поселения и где-то среди них тебя с родителями, – сказал Брэдли. – А вместо этого получили диктатора, революционерку и вторжение армии местных.

– Насколько велика армия спаклов? – вспомнила я и снова повернулась к проекции. – Можешь поднять повыше?

– Ненамного, – однако он поколдовал с настройками, и зонд пошел вверх, вдоль зигзага дороги, перевалил через вершину, и...

– О мой бог... – выдохнула я и услышала, как Симона резко втянула воздух.

В свете обеих лун и бивуачных костров... и факелов, которые они несли в руках...

Целый *народ* спаклов протянулся вверх по течению реки, над водопадами, заполонив верхнюю долину... в разы, во много раз больше мэровой армии... способный захлестнуть ее одним единым потоком... необозримый. Непобедимый.

Тысячи, тысячи их.

Десятки тысяч.

– Превосходящее количество, – негромко заметил рядом Брэдли, – против превосходящей огневой мощи. Верный рецепт для нескончаемой резни.

– Мистрис Койл говорила, у них было перемирие, – пробормотала я. – Если раньше такое было, может быть и еще.

– А армия против армии уже тоже была? – спросила Симона.

– Скорее генерал против генерала, – ответила я. – Если мы сможем разрулить этих двух, все станет проще.

– А начать нам, я думаю, стоит, – Брэдли повернулся ко мне, – со встречи с твоим Тоддом.

Он вернул кадр к верховым на поле, приблизил: вот он опять – Тодд рядом с Ангаррад.

И тут он на меня посмотрел – Тодд, прямо на зонд, прямо в кадр...

Посмотрел на меня.

Мэр тоже заметил и поднял взгляд.

– Они знают, что мы здесь, – сказала Симона и зашагала к трапу. – Я принесу что-нибудь для твоих ног, Виола, и свяжусь с конвоем. Хотя ума не приложу, с чего начинать объяснения...

Она скрылась в корабле. Брэдли подошел, положил руку на плечо и ласково его сжал.

– Я тебе очень сочувствую, Виола... насчет родителей. Словами не выразить.

Я сморгнула внезапно подступившую влагу с глаз... не только от мысли о маме и папе, гибнущих в крушении... но и от этой вот его доброты.

А потом чуть не ахнула, вспомнив, что это он, Брэдли, подарил мне ту штуку, которая оказалась полезней всего, – коробку, которая делала огонь... делала свет во тьме – коробку, которая взорвала целый мост, спасая жизнь мне и Тодду...

– Оно подмигивает, – вырвалось у меня.

– Что? – он поднял глаза.

– Тогда, еще в конвое, ты велел рассказать тебе потом, на что похоже ночное небо при свете костра – потому что я первой увижу это. Оно подмигивает.

Он улыбнулся, припоминая, глубоко вздохнул.

– А это – на что похож свежий воздух, – потому что он в первый раз за всю свою жизнь дышал им; Брэдли ведь тоже знал только корабль. – Он другой, не такой, как я ждал. Крепче.

– Многое тут совсем не такое, как мы ждали.

Он снова сжал мне плечо.

– Теперь мы здесь, Виола. Ты больше не одна.

Я проглотила слюну и посмотрела в проекцию.

– Я и не была одна.

Брэдли еще раз вздохнул, глядя со мной. ОНО ПОДМИГИВАЕТ, сказал он.

– Нужно будет развести костер, чтобы ты сам увидел.

– Что увидел?

– Как оно подмигивает.

Он несколько секунд озадаченно таращился на меня.

– А раньше ты что сказала?

– Ничего. Это ты только что сказал...

ГОСПОДИ, О ЧЕМ ОНА? – воскликнул он.

Только ничего он на самом деле не воскликнул.

А у меня живот завязался в узел.

Нет.

Ох, нет.

– Ты это слышала? – он ошарашенно завертелся по сторонам. – Звучит совсем как мой голос...

НО КАК ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ МОЙ... – подумал он и умолк.

И уставился на меня...

И сказал ВИОЛА?

Только сказал это в Шуме.

В своем новехоньком Шуме.

[ТОДД]

Я прижал пластырь к ляжке Ангаррад и подождал, пока лекарство пройдет в кровоток. Она до сих пор молчала, но я все равно гладил ее руками, звал по имени.

Лошадям нельзя оставаться в одиночестве, они этого не умеют, и я должен дозваться ее, как один из ее табуна.

– Вернись ко мне, Ангаррад, – шептал я ей в уши. – Давай, девочка! Возвращайся!

Мэр разговаривал со своими людьми. Как же, к черту, до этого дошло, а?

Мы же его *победили*. Побили, связали и *победили*!

А теперь...

Теперь вон он, снова расхаживает с таким видом, словно все здесь ему принадлежит... словно он властвует надо всем этим чертовым миром – опять! – и все, што я с ним сделал, как его победил – все это больше ни хрена не значит.

Но я его *побил*. И сделаю это снова.

Я выпустил монстра, чтобы спасти Виолу.

И сейчас мне нужно каким-то образом удержать в руках поводок.

– Глаз в небесах все еще там, – он подошел ко мне и, задрав голову, поглядел вверх, на световую точку.

Какое-то следящее устройство, не иначе. С час назад мы

впервые заметили, как она там парит, – мэр как раз раздавал распоряжения своим капитанам, приказывал поставить здесь, внизу, лагерь, у подножья холма, разослать шпионов, выяснить, с чем мы имеем дело, и еще специальный отряд – посмотреть, што там случилось с армией Ответа.

Но искать корабль-разведчик пока никого не посылали.

– Они нас уже видят, – мэр все так же смотрел вверх. – Когда захотят встретиться, смогут просто взять и прийти ко мне, а?

Он медленно обвел взглядом округу. Его люди располагались на бивуак.

– Ты только послушай их голоса, – как-то странно прошептал он.

Воздух все еще полнился Шумом, но, судя по блеску в глазах, он имел в виду што-то другое.

– Какие голоса? – не понял я.

Он моргнул, словно удивляясь, што я все еще тут... улыбнулся и положил руку на гриву Ангаррад.

– Не трогай ее, – бросил я и смотрел на него в упор, пока он не убрал руку.

– Я знаю, что ты чувствуешь, Тодд, – мягко произнес он.

– Нет, не знаешь.

– Знаю, – повторил он. – Я помню свою первую битву в самой первой спачьей войне. Ты думаешь, что вот-вот умрешь, Тодд. Думаешь, это самое ужасное, что с тобой в жизни случилось, и как вообще теперь жить, после того как ты это уви-

дел? Как вообще люди могут жить, увидев такое?

– Убирайся из моей головы!

– Я просто говорю с тобой, Тодд. Больше ничего.

Я не удостоил его ответом. Продолжал гладить Ангаррад и шептать.

– Я здесь, девочка, я с тобой.

– С тобой все будет хорошо, Тодд, – сказал мэр. – И с твоей лошастью тоже. Вы оба просто стали сильнее. Лучше. Все, в конце концов, к лучшему.

– Как после такого кто-то может стать лучше? – я впился в него взглядом. – Как кто-то может остаться *человеком* после этого?

Он наклонился поближе.

– Ну, ведь это было еще и волнующе, правда?

Я промолчал.

(потомуш так оно и было)

(на минутку... но да)

А потом я вспомнил, как умирал солдат... как тянулся в Шуме к своему сыночку... который никогда его больше не увидит.

– Ты почувствовал это волнение, когда мы гнали их вверх по холму, – говорил тем временем мэр. – Я видел. Оно пылало у тебя в Шуме как огонь. И каждый человек в армии – каждый, Тодд! – чувствовал то же самое. В битве ты чувствуешь себя живым – живее всего в жизни!

– А после нее – мертвее мертвого, – буркнул я.

– А! Философия, – улыбнулся он. – Вот уж не думал, что в тебе это есть.

Я отвернулся от него к Ангарад.

И услышал...

Я ЕСМЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

Я развернулся и врезал ему **ВИОЛОЙ**...

Он дернулся, но улыбки не потерял.

– Именно, Тодд. Все, как я тебе раньше и говорил. Контролируй Шум, и ты сможешь контролировать себя. Контролируй себя, и...

– Ты сможешь контролировать мир, – закончил я. – Да, я и в первый раз тебя прекрасно расслышал. Мне нет дела до остального мира.

– Все это говорят. Пока не попробуют власть на вкус, – он снова задрал голову и посмотрел на зонд. – Интересно, друзья Виолы смогут нам рассказать, сколько их там, наверху?

– *Слишком много*, вот сколько, – ответил я. – Там, скорее всего, весь спачий мир. Ты их всех не поубиваешь.

– Пушки против стрел, мой мальчик. Даже с этим их мудреным огненным оружием и белыми палками, чем бы они там ни были... – пушек у них нет. И летающих кораблей, – он показал подбородком на восток, где сел разведчик, – тоже. Я бы сказал, что в данный момент силы примерно равны.

– Тем больше причин закончить войну здесь и сейчас!

– Тем больше причин продолжать сражаться, – парировал он. – На этой планете властвовать будет только одна сторона, Тодд. Только для нее одной есть место.

– Но если мы...

– Нет, – уже с большей силой сказал он. – Ты отпустил меня на свободу только по одной причине. Чтобы сделать эту планету безопасной для твоей Виолы.

И я промолчал.

– Я согласился на твое условие, и теперь ты дашь мне сделать то, что должно быть сделано. Ты позволишь мне сделать эту планету безопасной для нее и для всех нас. И для тебя, Тодд, потому что сам для себя ты этого сделать не сможешь.

Я помнил, как солдаты исполняли каждый его приказ... как кидались в битву... и умирали... – просто потому, што он так сказал.

Да, он прав. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь сделать такое.

Он мне нужен. Ненавижу, ненавижу его за это, но он мне нужен.

Я отвернулся. Закрыв глаза, уткнулся лбом в шею Анггаррад...

Я емь круг и круг есть я, подумал...

Если контролировать Шум, контролируешь себя.

А если я смогу контролировать себя...

Возможно, я смогу контролировать и его.

– Возможно, и сможешь, – согласился он. – Я всегда гово-

рил, что в тебе есть сила.

Я поднял глаза.

Мэр улыбался.

– А теперь, – сказал он, – поставь лошадь на ночь и как следует отдохни.

Он втянул носом воздух. Теперь, когда нам не грозило умереть в любую секунду, сделалось ощутимо холоднее. Над вершиной холма разливался бледный отсвет спачьих бивуачных костров.

– Мы выиграли первую стычку, Тодд, – сказал мэр. – Но война – она только началась.

И Третий

(Возвращение)

Земля ждет. Я жду вместе с ней.

И *горю* ожиданием.

Потому что мы победили врага. У подножия их холма, на окраинах их города мы окружили армию людей, и теперь она в нашей власти. Они были сломлены, растеряны и готовы потерпеть поражение...

Битва почти выиграна. Мы *победили*.

Но в этот миг земля разверзлась у нас под ногами и наши тела полетели в воздух.

Мы отступили. Мы бежали, карабкаясь вверх по холму, по битому камню, по разможенной дороге, вверх, за гребень, чтобы лечить наши раны и оплакивать мертвых.

Но мы были близки к победе. Так близки, что впору попробовать ее на вкус.

Я и сейчас чувствую этот вкус, глядя на долину внизу, где люди из Расчистки разбивают лагерь, лечат *свои* раны и хоронят *своих* мертвецов, небрежно побросав наших в кучи.

Я помню другие кучи тел, в другом месте...

Я снова горю от одного воспоминания.

А потом я вижу еще кое-что, оттуда, где сижу, с гребня холма – рядом с тем местом, где река рушится в долину. Я вижу свет, парящий в ночном небе.

Следящий за нами. Следящий за Землей.

Я подымаюсь на ноги, чтобы уйти, и обнаруживаю Небо.

По речной дороге я углубляюсь в лагерь. Полнотелая тьма ночи пятится от костров. Брызги воды на перекатах поднимают туманную дымку – от огней она тихо мерцает. Земля смотрит, как я лавирую между ними, их лица светлы, хоть и устали от битвы, голоса открыты.

Небо? показываю я голосом на ходу. *Где здесь дорога к Небу?*

В ответ мне показывают путь меж костров и спрятанных бивуаков, меж яслей и выгонов для боерогов...

Боерогов, шепчут за пределами взгляда – потрясенно и даже с отвращением, потому что это слово не из языка Земли, а из речи врагов, из Зачистки, и я возвышаю голос, чтобы заглушить его, и показываю *Небо?*

Земля показывает дорогу дальше.

Но за этой готовностью помочь я слышу... – неужели сомнения?

Потому что кто я такой, в конце-то концов?

Герой? Спаситель?

Или жертва? Опасность?

Начало я или конец?

Воистину ли я от Земли?

И если быть честным, я тоже не знаю ответов.

Они показывают мне дорогу к Небу, и я иду меж них и чувствую себя листом, плывущим в реке... над рекою... в

реке...

Но, возможно, не от нее.

А вперед меня летит весть о моем приходе.

Возвращение близко, показывают они один другому. *Возвращение близко*.

Потому что так они зовут меня. *Возвращение*.

Но у меня есть и другое имя.

Мне пришлось выучить, как Земля называет разные вещи, вытаскивая слова из их бессловесного языка, из великого единого голоса Земли – чтобы я мог их понимать. Земля – так они себя зовут и всегда звали, потому как разве же они не сама Земля этого мира? На которую сверху взирает Небо?

Люди их Землей не зовут. Они изобрели какое-то свое имя, на основании самой первой попытки установить контакт, а потом им даже не хватило любопытства его поменять. Может быть, с этого-то все проблемы и начались.

Расчистка – так Земля зовет людей, паразитов, явившихся из ниоткуда и решивших сделать наш мир своим новым нигде, поубивать всю Землю в диких количествах, но потом перемирие привело к вынужденному разделению: Земля – в одну сторону, а Расчистка – в другую. Навсегда.

За исключением, конечно, Земли, которую бросили. Земли, которая осталась в рабстве у Расчистки по условиям мира. Земли, которая перестала зваться Землей, быть Землей, которую вынудили даже перенять язык Расчистки. Эта брошенная Земля была большим стыдом для Земли, и стыд этот

стал зваться «Бремя».

Пока Расчистка не уничтожила все Бремя одним махом.

Один день убийств. Всё.

И теперь есть еще я, Возвращение. Именуемый так не только потому, что я единственный из Бремени вернулся живым, – мое возвращение вынудило Землю вернуться сюда, на этот холм, после многих лет перемирия, в вышине над Расчисткой, гордую и решительную, с лучшим оружием, в лучших количествах и с лучшим Небом.

Все они здесь из-за Возвращения. Из-за меня.

Но мы больше не атакуем.

Возвращение идет, показывает Небо, когда я приближаюсь к нему, хотя он стоит ко мне спиной. Он обращается к Дорогам, которые сидят перед ним полукругом. Он показывает им послания, которые нужно разнести по всей Земле; послания мелькают так быстро, что мне трудно их прочесть.

Возвращение заново выучит язык Земли, показывает Небо, заканчивая с Дорогами и подходя ко мне. *Со временем.*

Они понимают мои слова, показываю я в ответ, глядя на Землю: все они смотрят, как я говорю с Небом. *Они сами ими пользуются, когда говорят со мной.*

Слова Расчистки хранятся в памяти Земли, показывает Небо, беря меня за руку и ведя прочь. *Земля никогда не забывает.*

Вы забыли о НАС, показываю я, и так жарко за этими словами, что я не могу этого жара сдерживать. *Мы вас ждали.*

Ждали до самой смерти.

Земля сейчас здесь, показывает он.

Земля отступила, отвечаю я с жаром. Земля сидит на верхушке холма, хотя могла бы убивать Расчистку, прямо сейчас, этой самой ночью. Нас больше. Даже с этим их новым оружием мы...

Ты молод, показывает он мне. Ты многое видел, слишком многое, но ты даже еще не вполне взрослый. Ты никогда не жил среди Земли. Сердце Земли плачет, что было уже слишком поздно спасти Бремя...

Я перебиваю его – грубость, неслыханная среди Земли – Ты ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ...

Но Земля ликует, что Возвращение уцелел, продолжает он, словно я ничего и не показывал. Земля ликует, что память о Бремении теперь будет отомщена.

Никто ни за что не МСТИТ!

И воспоминания текут в мой голос рекой... и только сейчас, только здесь, когда боль от них становится столь велика, что я больше не могу говорить на языке Расчистки... только сейчас во мне просыпается истинный язык Земли, бессловесный, ощущаемый и изливающийся из меня – всё одновременно. И я ничего не могу с этим сделать, я показываю ему мою утрату и как Расчистка обращалась с нами, будто с животными, и как считала, что их голоса и наши – это такое проклятие, болезнь, и ее нужно лечить, и я ничего не могу с этим сделать и показываю всей Земле, как умирало Бремя

от рук Расчистки, о пулях и клинках и безмолвных криках, о целом поле тел, наваленных в кучи...

И о том, кого я в особенности потерял...

Небо показывает мне утешение в голосе, и вся Земля вокруг нас тоже, и вот я уже плыву в потоке голосов, которые тянутся со всех сторон, утешая, успокаивая меня, и никогда еще я не чувствовал себя настолько частью Земли, настолько дома, настолько мирно и вместе с единым общим голосом Земли...

И я понимаю, что случиться это смогло, только когда мне стало так больно, что я позабыл о себе.

Это пройдет, показывает Небо. Ты повзрослеешь и исцелишься. Тебе станет легче быть среди Земли...

Мне станет легче, показываю я, когда Расчистка уберется отсюда навеки.

Ты говоришь на языке Брени, показывает он. А это и язык Расчистки тоже, язык людей, с которыми мы сражаемся, и хотя мы рады тебе как брату, вернувшемуся к Земле, первое, что ты должен понять и выучить – и я говорю это тебе на языке, который ты способен понять, – что нет никакого Я и нет никакого ТЫ. Есть только Земля.

На это я не отвечаю ничего.

Ты искал Небо? наконец спрашивает он.

Я гляжу ему в глаза – маленькие для Земли, хотя и совсем не такие, как чудовищно мелкие глазенки Расчистки... мелкие, злые глаза, которые только прячут и прячут и пря-

чут... – но глаза Неба все же достаточно велики, чтобы в них отражались луны... костер... и я – глядящий в них.

И я знаю – он ждет меня.

Потому что я прожил жизнь среди Расчистки и я многому от них научился.

В том числе и тому, как прятать свои мысли за другими мыслями, как скрывать то, что я чувствую и думаю. Как делать голос слоистым, чтобы его было труднее прочесть.

Один среди Земли, я не един с ее общим голосом.

Еще нет.

Я оставляю его в ожидании еще на мгновение, потом все-таки открываю голос и показываю свет, паривший над полем битвы... показываю, что я об этом думаю. Он понимает мгновенно.

Такое же, как то, что пролетело над Землей, пока мы шли сюда, но меньше, показывает он.

Да, показываю я и вспоминаю: свет в небе, огни, одна из их машин летит над дорогой: так высоко, что ее как бы и нет – только звук.

Значит, Земля должна ответить, показывает он и, взяв меня за руку, ведет назад, к гребню холма.

Небо смотрит на свет – он все еще там, – а я на Расчистку: она устраивается на ночь. На их слишком маленькие лица, на тела – приземистые, короткие, нездорового розового и песочного цвета.

Небо знает, что я ищу.

Ты ищешь его, показывает он. Нож.

Я видел его в сражении. Но был слишком далеко.

Ради собственной безопасности Возвращения, показывает он.

Он МОЙ...

Но я умолкаю.

Потому что в этот миг я его вижу.

Посреди лагеря он приник к своему ездовому животному, этой лошади, как они их называют, говорит с ней, без сомнения, с большим чувством, с большой тревогой от того, что увидел.

С огромной заботой и добротой.

И именно поэтому, искаженно, Возвращение так ненавидит Нож, показывает Небо.

Он худший из них, показываю я. Он хуже всех.

Потому что...

Потому что он ЗНАЛ, что поступает неправильно. Он чувствовал БОЛЬ от своих действий...

Но он их не исправил, показывает Небо.

Остальные ничем не лучше животных, показываю я, но хуже всех тот, кто знает больше и НИЧЕГО не делает.

Однако Нож освободил Возвращение, показывает Небо.

Ему лучше было меня убить. Он уже убил одного из Земли до этого, ножом, в голосе, который он не в силах заглушить. Но оказался слишком труслив, чтобы оказать эту милость и Возвращению.

Если бы он убил тебя, как ты того хотел, показывает Небо (причем так, что я невольно перевожу взгляд обратно на него), Земли бы здесь не было.

Да, показываю я, здесь, где мы ничего не делаем. Где мы сидим, наблюдаем и ждем, вместо того чтобы БИТЬСЯ С ВРАГАМИ.

Ожидание и наблюдение – тоже часть битвы. Расчистка стала сильнее за время перемирия. Люди сделались яростнее, как и их оружие.

Но и Земле тоже ярости не занимать, разве нет?

Небо долго смотрит мне в глаза, потом отворачивается и говорит на языке Земли, рассылая весть, которая летит от одного к другому и достигает той, кто – теперь я вижу – уже приготовила лук с горящей стрелой. Она целится и пускает стрелу в ночь с самой вершины холма.

Вся Земля провожает ее глазами – своими собственными или через голос других, – пока она не поражает парящий свет, который, крутясь, летит вниз и падает в реку.

Сегодня состоялась одна битва, показывает мне Небо (из лагеря Расчистки доносится негромкий вскрик). Но в войне их много.

Он снова берет меня за руку – за ту, на которой я отрастил густой рукав из лишайника... за ту, которая болит и не исцелится уже никогда. Я отдергиваю ее, но он снова тянется и берет, и я даю длинным белым пальцам легонько поднять ее за запястье и раздвинуть рукав...

И нет, мы не забудем, зачем мы здесь, показывает Небо.

И слово идет дальше, на языке Бремени, которого Земля боится, потому что это стыд, – оно распространяется среди всех, пока я не начинаю слышать их всех, чувствовать их всех...

Чувствовать, как вся Земля говорит вместе: *мы не забудем.*

Они видят мою руку глазами Неба.

Полоску металла с надписью на языке Расчистки.

Вечное клеймо на мне, истинное имя, что навек отделило меня от них.

1017.

Вторые шансы

Затишье

[ВИОЛА]

ШУМ БРЭДЛИ БЫЛ УЖАСЕН.

ГРОМКО,

КАК ЖЕ ГРОМКО

СИМОНА И ВИОЛА ТАРАЩАТСЯ НА МЕНЯ
ТАК, БУДТО Я УМИРАЮ...

Я ПРАВДА УМИРАЮ?

ПРИЗЕМЛИТЬСЯ ПОСРЕДИ ВОЙНЫ

55 ДНЕЙ ДО КОНВОЯ.

Может, можно полететь куда-то еще?

55 ДНЕЙ ДО НОРМАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ,
ГОСПОДИ.

55 ДНЕЙ ЖДАТЬ СМЕРТИ.

Я ЧТО, ПРАВДА, УМИРАЮ?

– Ты не умираешь! – подала я голос с койки, где Симона колола сращивающее кости лекарство мне в лодыжки. – Брэдли...

– Нет, – он протянул руки, чтобы меня остановить. – Я се-

бя чувствую *голымголымголым!* Ты себе не представляешь, каким голым я себя из-за этого чувствую!

Симона превратила спальный отсек разведчика в импровизированный дом исцеления. Одну койку занимала я, другую Брэдли: глаза вытаращены, уши зажаты руками, Шум с каждой секундой все громче...

– Ты уверена, что с ним все будет в порядке? – прошептала мне на ухо Симона, заканчивая с инъекциями и переходя к наложению повязок.

Голос у нее вышел напряженный.

– Я только знаю, – прошептала в ответ я, – что местные мужчины в конце концов привыкли и...

– Но было же лекарство, так? – перебила она и тут же добавила: – Которое этот их мэр сжег до последней крошки.

– Да, но это хотя бы значит, что лечение возможно, – возразила я.

ХОРОШ ПРО МЕНЯ ТРЕПАТЬСЯ, сказал Шум Брэдли.

– Ой, прости, – повинилась я.

– За что это? – удивился он, а потом до него дошло. – Так. Вы не могли бы на некоторое время оставить меня одного? Пожалуйста.

А Шум добавил: *Христа ради, уберитесь обе отсюда и дайте вздохнуть спокойно!*

– Я только закончу с Виолой, – сказала Симона, стараясь на него не глядеть (голос все еще дрожал), и обернула последний пластырь вокруг моей левой лодыжки.

– Еще один прихвати, – тихонько попросила я.

– Это еще зачем?

– Снаружи скажу. Не хочу расстраивать его еще больше.

Она бросила на меня подозрительный взгляд, но все-таки взяла из ящика еще один пластырь, и мы двинулись к двери. Шум Брэдли заполнял тесную комнатку от стены до стены.

– Я все-таки никак не пойму, – на ходу заговорила Симона. – Я вполне себе слышу это ушами... но параллельно еще и внутри головы. Слова... – тут она невольно оглянулась на Брэдли и сделала большие глаза, – и картинки...

И действительно, он уже начал выдавать и картинки – они могли возникать прямо у тебя в голове, а могли висеть в воздухе перед глазами...

Вот сейчас там показывали, как мы стоим и глядим на него... как он сам лежит на кровати...

Потом пошли виды того, что мы наблюдали на проекциях зонда... что случилось, когда горящая спачья стрела попала в него, и сигнал пропал...

Дальше разведчик – вот он сходит с орбиты... пейзажи планеты далеко внизу, необозримый сине-зеленый океан и леса, протянувшиеся на целые мили... и никому даже в голову не приходит искать армию спаклов – она сливается с берегом... а корабль кружит и кружит над Новым Прентис-стауном...

А потом появились другие картинки.

Симона...

Симона и Брэдли...

– Брэдли! – Симона в ужасе попятилась.

– *Ну пожалуйста!* – вскрикнул он. – Просто уйдите! Это *невыносимо!*

Я и сама испугалась, потому что картинки Брэдли с Симоной были на редкость четкие, и чем больше он старался их спрятать, тем четче они становились... так что я просто схватила Симону за локоть и потащила прочь, долбанув по панели, чтобы скорее закрыла дверь... которая все равно заглушила Шум... – ну, примерно с тем же успехом, с каким могла бы заглушить очень громкий голос.

Мы вышли из катера.

ДЕВОЧКА-ЖЕРЕБЕНОК?

Это Желудь перестал щипать траву и подошел к нам поближе.

– Так, еще и животные! – всплеснула руками Симона. – Да что же это за место такое!

– Это просто информация, – я припомнила рассказ Бена о том, каким предстал Новый Свет первым поселенцам... той ночью, на кладбище, невозможно давно. – Информация, все время, нескончаемым потоком, хочешь ты того или нет.

– Он так испугался, – у Симоны дрогнул голос. – Но то, *о чем* он там думал...

Она отвернулась, а я слишком смутилась, чтобы спросить: эти его картинки – это то, что он *вспоминал*... или то, чего только *хотел*...

– Это все еще наш Брэдли, тот же самый, – сказала я. – Об этом придется помнить. Представляешь, что было бы, если бы все вдруг услышали то, что *ты* не хотела бы говорить вслух?

Она вздохнула и поглядела на две луны, висящие в небе.

– В конвое больше двух тысяч поселенцев-мужчин, Виола. Двух тысяч! А ты представляешь, что будет, когда мы их всех тут разбудим? Всех сразу?

– Они привыкнут, – повторила я. – Все мужчины привыкают.

Симона фыркнула, проглотила ком в горле.

– А женщины?

– Ну... это здесь такой... довольно сложный вопрос.

Она потрясла головой, потом заметила, что все еще держит пластырь.

– Так зачем тебе это было нужно?

Я прикусила на секунду губу.

– Только не дергайся, ладно?

Я медленно закатала рукав и показала браслет на запястье. Кожа вокруг покраснела еще хуже. в лунном свете блеснул номер.

1391.

– Ох, *Виола*, – голос Симоны был опасно тих. – Это тот человек с тобой сделал?

– Не со мной, – ответила я. – Но с большинством других женщин – да.

Я кашлянула.

– Это я сделала с собой сама.

– Ты... что? *Сама?*

– На то была причина. Я потом объясню. А вот пластырь мне не помешал бы прямо сейчас.

Она секунду поколебалась, потом, все так же не отрывая от меня взгляда, осторожно обернула пластырь вокруг предплечья. От лекарства – *такого холодненького!* – тут же стало лучше.

– Дорогая? – в голосе было столько могучей свирепой нежности, что я не смогла на нее смотреть. – Ты *на самом деле* в порядке?

Я применила едва заметную улыбку – стряхнуть ее беспокойство.

– Мне столько нужно тебе рассказать!

– Что правда, то правда, – она закрепила повязку. – И пора бы уже начать.

– Не могу, – я покачала головой. – Мне нужно добраться до Тодда.

Она нахмурилась.

– Что... *сейчас?* – Симона выпрямилась. – Но нельзя же вот так лезть в самую гущу войны!

– Там затишье. Мы сами видели.

– Мы видели, как две огромные армии встали лагерем по сторонам от линии фронта, а потом кто-то сбил наш зонд! Нет, ты туда не пойдешь.

– Но там Тодд, – твердо сказала я. – И туда-то мне и *надо*.

– Ни за что. Как командир миссии я тебе запрещаю, и дело с концом.

Я даже моргнула.

– Ты мне *запрещаешь*?

И откуда-то из живота вверх пошел... крайне неожиданный гнев.

Симона увидела мое лицо и тут же смягчила свое.

– Виола, то, что ты перенесла за последние пять месяцев, просто поразительно. Это выходит за всякие рамки. Но теперь здесь *мы*. Я слишком тебя люблю, чтобы позволить тебе подвергать себя такой опасности. Ты не можешь уйти. Нет, невозможно!

– Если нам нужен мир, мы не можем дать этой войне разрастись!

– И как же одна девочка и один мальчик собираются ее остановить?

И вот тут-то во мне и правда начал подниматься гнев. Я попыталась напомнить себе, что она просто *не в курсе*. Не знает, через что я прошла, что мы с Тоддом сделали. Не знает, что людей, пытавшихся мне что-то запретить, я оставила в далеком-далеком прошлом.

Я взяла Желудя за поводья, и он послушно подогнул передние ноги.

– Виола, *нет!* – Симона топнула ногой.

ПОДЧИНИСЬ! – вскинулся и взвизгнул Желудь.

Симона от неожиданности отскочила, а я по-быстрому перекинула больную, но уже хотя бы целую ногу через седло.

– Никто мне больше не командир, Симона, – негромко проговорила я, стараясь сохранять спокойствие... и дивясь, какой сильной вдруг себя ощутила. – Останься в живых мои родители, и все, возможно, было бы по-другому... Но они умерли.

Она явно хотела подбежать ко мне, но теперь опасалась Желудя – вдруг он еще что-нибудь скажет?

– Это еще не значит, что вокруг нет людей, которым ты небезразлична... которые *могут* позаботиться о тебе!

– Пожалуйста. Тебе придется мне доверять.

В ее взгляде были отчаяние и печаль.

– Ты еще слишком молода, чтобы *так* повзрослеть.

– Ага, – кивнула я. – Но иногда у тебя просто нет других вариантов.

Желудь встал, готовый пуститься в путь.

– Я вернусь, как только смогу.

– Виола...

– Мне *нужно* найти Тодда. Нужно, и точка. А теперь, когда битва закончилась, придется найти еще и мистрис Койл, пока она не начала все тут опять взрывать.

– Но ты хотя бы не должна ехать одна, – попробовала последний аргумент Симона. – Я еду с тобой...

– Брэдли ты сейчас нужна больше, чем мне, – отрезала я. – Ты можешь не хотеть чего-то там видеть у него в мыслях, но

ты нужна ему.

– *Виола*...

– Да пойми ты, мне тоже не улыбается скакать сейчас туда, в зону военных действий, – сказала я уже помягче, даже с извинением... потому что поняла, как на самом деле испугана. – Может, вам удастся послать еще один зонд, чтобы следил за мной?

Симона подумала несколько секунд, потом тряхнула головой.

– У меня есть идея получше.

[ТОДД]

– Мы реквизировали одеяла из ближайших домов, – сообщил мэру мистер О’Хеа. – И припасы, конечно, тоже.

– Благодарю, капитан, – кивнул тот. – И принесите достаточно всего Тодду.

Мистер О’Хеа попытался прожечь меня взглядом.

– У нас всего очень мало, сэр...

– Еда для Тодда, – заметно тверже оборвал его мэр. – И одеяло. Холодает.

Мистер О’Хеа втянул воздух – звук получился не слишком счастливый.

– Есть, сэр.

– И для моей лошади тоже, – вставил я.

Меня удостоили косога взгляда.

– И для его лошади, капитан, – отчеканил мэр.

Мистер О’Хеа кивнул, фыркнул и потопал прочь.

Люди мэра расчистили для нас место на самом краю лагеря. Костер и немного пространства вокруг, где можно сидеть, плюс пара палаток для него и ближайших офицеров на ночь. Я сел подальше от всех, но достаточно близко, чтобы наблюдать. Ангаррад тоже стояла тут – голова все еще вниз, Шум молчит. Я все время тормозил ее, гладил, но она так ничего и не сказала. Вообще ничего.

С мэром тоже было разговаривать особо не о чем. Он слушал доклад за докладом: мистер Тейт и мистер О’Хеа вводили его в курс дела по всем возможным вопросам. Ну, и обычные солдаты... они постоянно подходили к костру, застенчивые такие – поздравляли с победой, забыв, что именно он всю эту кашу первым и заварил.

Я уткнулся лицом в шею Ангаррад, пробормотал едва слышно:

– Што же мне делать теперь, девочка?

Потому как и правда – *што* мне теперь делать? Я освободил мэра, он выиграл первое сражение, чтобы мир был безопасен для Виолы... – все, как и обещал.

А еще у него есть армия, которая сделает все, што он скажет... которая *умрет* за него. Какая разница, што я могу его побить, если кругом столько народу и мне даже попытаться не дадут?

– Мистер президент? – снова подошел мистер Тейт, таща

одну из этих белых спачьих палок. – Первая сводка по новому оружию.

– Говорите, капитан, – мэр выглядел весьма заинтересованным.

– Судя по всему, это некое кислотное ружье. Внутри есть полость, заполненная смесью двух субстанций – вероятно, ботанического происхождения, – он показал на отверстие. – Далее что-то вроде храповика аэрирует дозу и впрыскивает третье вещество, и все вместе мгновенно подается в ствол, воспламеняется небольшим запалом, – он показал на конец ствола, – и выстреливает вот отсюда... испаряясь, но при этом как-то сохраняя цельность заряда, пока не попадает в цель, на каком этапе...

– На каком этапе, – перебил его мэр, – это уже горящая кислота, достаточно едкая, чтобы отхватить тебе руку целиком. Впечатляющая работа за такой короткий промежуток времени, капитан.

– Я уговорил наших химиков работать очень быстро, – ответил мистер Тейт с ухмылкой, которая мне совершенно не понравилась.

– И какого черта все это значило? – буркнул я, когда мистер Тейт удалился.

– Тебя разве не учили химии в школе? – полюбопытствовал мэр.

– Ты, между прочим, закрыл школу и сжег все книги.

– Ах да. Точно, – улыбнулся он и устремил взгляд вверх,

туда, где над кромкой холма разливалось тусклое свечение: это в облаке брызг от водопада отблескивали костры спачьей армии. – Когда-то это были просто собиратели и охотники, Тодд. Плюс дикое фермерство, но совсем чуть-чуть. Ни разу не ученые.

– А это што значит?

– Это значит, что все последние тринадцать лет, прошедших с прошлой войны, наш враг внимательно нас слушал, учился и мотал на ус, что совсем не удивительно на этой планете информации, – он побарабанил пальцами по подбородку. – Мне ужасно интересно, *как* они учились? Как будто каждый из них – часть единого общего голоса...

– Если бы ты не поубивал всех тех, в городе, можно было бы *спросить*... – съязвил я.

Эту реплику он оставил без ответа.

– Все это в сумме дает нам тот факт, что противник с каждым шагом становится все более достойным.

Я поморщился.

– Звучит так, будто ты от этого счастлив.

Вернулся капитан О’Хеа – с полными руками и кислой рожей.

– Одеjala и еда, сэр.

Мэр кивнул в мою сторону, вынуждая его передать мне все самому. Он передал и умчался, туча тучей, хотя, как и у мистера Тейта, Шум не выдал, што его так взбесило. Шума у него попросту не было.

Я накрыл одеялом Ангаррад, но она так ничего и не сказала. Рана уже заживала, прямо на глазах, так што дело было не в ней. Кобыла просто стояла понурившись, тарасилась в землю, ничего не ела, не пила и вообще никак на мои действия не реагировала.

– Ты бы привязал ее с остальными конями, Тодд, – посоветовал мэр. – Так ей хотя бы будет теплее.

– Ей нужен я, – пробурчал я в ответ. – Останусь с ней.

Он кивнул.

– Твоя верность достойна восхищения. Превосходное качество. Я всегда видел ее в тебе.

– Учитывая, што в тебе ее нет ни на грош?

Он лишь улыбнулся. Опять улыбнулся. От такой улыбки хочется голову с плеч сшибить одним махом, право слово.

– Ты должен поесть и поспать, Тодд, – пока можешь. Никогда не знаешь, когда битва снова потребует тебя...

– Битва, которую развязал ты, – огрызнулся я. – Нас бы здесь вообще не было, если бы...

– Ну вот, ты опять, – в голове проглянул металл. – Пора тебе уже прекратить ныть о том, что могло бы быть, и начать думать про то, что *есть*.

И вот тут крышу снесло уже у меня...

Я уставился на него...

И подумал о том, што есть...

О том, как он падал в руинах собора, после того как я врезал ему Виолиным именем. О том, как он недолго думая за-

стрелил собственного сына... Даже ни секунды не помедлил.

– Тодд...

Я думал о том, как он смотрит на Виолу, а она бьется под водой в Управлении вопроса, потому што он, именно он ее сейчас пытается. О моей ма думал – што она говорила о нем у себя в дневнике, когда мне его читала Виола, и о женщинах Прентисстауна, и што он с ними сделал...

– Это неправда, Тодд, – произнес он. – Тогда случилось совсем не это...

Я подумал о двух мужчинах, которые вырастили меня, которые любили меня, и вот Киллиан погиб на ферме, чтобы дать мне время сбежать, а Бена Дэйви застрелил на обочине дороги – за то же самое, за то, што спасал меня... и о Мэнчи, моем прекрасном чертовом псе, который тоже... тоже меня спасал...

– Ко мне это не имело никакого отношения...

Я думал о том, как пал Фарбранч, как стреляли в людей, а он, мэр, смотрел... я думал о...

Я ЕСМЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

Это ударило меня, крепко, в самый центр головы.

– *Не сметь!* – взвизгнул я, отшатываясь.

– Тебя слишком занесло, Тодд Хьюитт, – рявкнул он, наконец-то почти в гневе. – Как ты вообще собираешься вести за собой людей, если вываливаешь наружу все свои чувства до последнего?

– Я не собираюсь водить людей! – огрызнулся я.

– Ты собирался возглавить эту армию, когда связал меня, и если такой день наступит снова, тебе придется полагаться только на себя, не так ли? Ты продолжал тренироваться в том, чему я тебя учил?

– Мне не нужно ничего из того, чему ты мог бы меня научить!

– Еще как нужно, – он даже шагнул ко мне. – И я буду твердить тебе это так часто, как нужно, – чтобы ты поверил наконец: в тебе есть сила, Тодд Хьюитт. Сила, способная править этой планетой!

– Способная править *тобой*.

Он снова улыбнулся, но улыбка вышла раскаленная добела.

– Ты знаешь, как я делаю свой Шум неслышимым, Тодд? – тихий, извилистый голос... – Чтобы никто вокруг не услышал мои тайны, все до последней?

– Нет...

Он наклонился ко мне.

– Минимальными усилиями.

И я уже кричал

– Назад!

...но

Снова оно, снова, прямо в центре моей головы:
Я ЕСМЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

Но сейчас слова звучали по-другому...

Легкость...

Как дуновение...

Невесомое чувство, от которого в животе у меня становится легко-легко...

– Я вручаю тебе дар, Тодд, – его голос плывет сквозь мой разум, словно облако, полное огня. – Тот же дар, что я дал моим капитанам. Воспользуйся им. Воспользуйся им, чтобы победить меня. Я *вызываю* тебя. Попробуй!

Я смотрю в его глаза, в их тьму, черноту, которая проглатывает меня целиком...

Я ЕСМЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

И больше я в целом свете не слышу ничего.

Ничего.

[ВИОЛА]

В городе царил зловещий покой. Мы с Желудем шагом продвигались вперед. Даже не только покой – тишина. Жители Нового Прентисстауна бежали куда-то в холодную ночь. Невозможно себе представить, в каком страхе они это сделали... не зная, что происходит, что тебя ждет.

Выехав на пустую площадь перед развалинами собора, я оглянулась. В вышине, над еще стоящей колокольной ви-

сел еще один зонд. Держался подальше от огненных спачьих стрел и следил за мной.

И это еще не все.

Мы переехали площадь и двинулись по дороге, которая вела на недавнее поле боя – все ближе и ближе к армии. И вот уже достаточно близко, чтобы их стало видно. Они ждали. Смотрели, как я еду к ним. Солдаты сгрудились у костров, сидя на вещевых мешках. Лица усталые, почти на всех печать потрясения; уставились на меня так, словно к ним из тьмы выехал призрак.

– Желудь, – шепнула я ему. – На всякий случай: плана у нас вообще-то нет.

Один из солдат встал при нашем приближении и наставил ружье.

– Стой где стоишь, – скомандовал он.

Совсем молоденький, волосы грязные, на лице – свежая рана, скверно зашитая при свете костра.

– Я желаю видеть мэра, – сказала я, стараясь держать голос ровно.

– Кого?

– Это кто такая? – спросил другой солдатик, тоже вставая – еще один мальчишка... возраста Тодда, возможно.

– Одна из ентих, террористов, – объяснил ему первый. – Приперлась бомбу ставить.

– Я не террорист, – твердо ответила я, глядя поверх голов, пытаясь высмотреть Тодда, расслышать его Шум через весь

этот РЕВ...

– Слазь с коня, – приказал первый. – Живо.

– Моя имя Виола Ид, – сказала я (Желудь переступил с ноги на ногу). – Мэр... ваш президент меня знает.

– А мне плевать, как там тебя зовут, – сообщил первый. –

Слазь, быстро!

Девочка-жеребенок, предупредил Желудь...

– Я сказал, *слазь с коня!*

Щелкнул затвор. И тогда я завопила:

– *Тодд!*

– Больше предупреждать не буду, – сказал солдат.

Кругом уже вставали остальные...

– ТОДД! – снова закричала я.

Второй солдат схватил мои поводья, другие наступали со всех сторон...

ПОДЧИНИСЬ! – прорычал Желудь, оскалившись, но солдат просто хватил его по голове прикладом.

– *ТОДД!*

Руки уже хватали меня, Желудь визжал ПОДЧИНИСЬ! ПОДЧИНИСЬ! но солдаты тащили меня вон с седла, а я держалась, держалась за него из последних сил...

– Отпустить, – велел голос, разом прорезав крики, хотя его даже никто не повышал.

Меня мгновенно выпустили, и я постаралась выровняться на седле.

– Добро пожаловать, Виола, – сказал мэр, когда толпа

схлынула и между нами открылось пустое пространство.

– Где Тодд? – резко спросила я. – Что ты с ним сделал?

И услышала другой голос...

– Виола?

...на шаг позади... проталкиваясь мимо него, прямо-таки отпихнув с дороги тычком в плечо, ко мне пробирался... глаза огромные, оглушенные... но вот он, идет...

– *Виола.*

...протягивает ко мне руки и улыбается, и я тянусь тоже...

На секунду, на одну только быструю секунду, что-то странное у него в Шуме... легкое, мимолетное... проскочило и исчезло...

На один только миг, я едва услышала...

А потом всё смыли его чувства, и это снова был Тодд. Он сгрел меня в охапку и сказал:

– Виола.

[ТОДД]

– А тут Симона и говорит: у меня, дескать, есть идея лучше.

Виола полезла в новую сумку, с которой приехала, и вытащила какие-то две плоские металлические штуковины. Маленькие такие, как камешки, которыми пекут блинчики на воде, округлые, сверкающие – и ложатся в ладонь, как будто для нее и сделаны.

– Коммы. Ну, коммуникаторы. Мы с тобой сможем говорить друг с другом, где бы мы ни были.

Один она протянула мне.

...Я на мгновение почувствовал ее пальцы, и меня всего опять захлестнуло облегчением. Облегчением от того, што я ее вижу, што она здесь, вот прямо тут, передо мной, и ее тишина все так же тянет меня за сердце; што она до сих пор как-то так... слегка смешно на меня смотрит.

На Шум мой на самом деле смотрит, куда же еще.

Я емь круг и круг есть я. Он положил это мне в голову, такое легкое, исчезающее. Сказал: это такая «техника», и я ее могу сам тренировать, штобы быть таким же тихим, как он и его капитаны.

И на какую-то минуту, на какую-то минуту я думал, что я...

– Комм один, – сказала она в свой комм, и металлическая поверхность моего вдруг превратилась в экран с ладошку размером, а на нем – улыбающаяся Виолина физиономия.

Как будто я держал в руке ее саму.

Она усмехнулась и показала мне свой комм: там была уже моя физиономия, вся такая озадаченная.

– Сигнал идет через зонд, – она показала назад, в сторону города, где вдалеке над дорогой парила точка света. – Симона держит его подальше отсюда, чтобы никто не сбил.

– Умный ход, – заметил мэр, стоявший поодаль. – Можно

мне посмотреть?

– Нет, – отрезала Виола, даже не глядя на него. – А если ты сделаешь вот так... – она нажала на угол устройства, – сможешь поговорить и с кораблем. Симона?

– *Я тут*, – сказала женщина, возникая на экране у меня в руке, прямо рядом с Виолой. – *Вы там все в порядке? Мне тут на минуточку...*

– Со мной все хорошо, – перебила Виола. – Я с Тоддом. Это, кстати, он.

– *О, Тодд. Рада познакомиться*, – сказала женщина.

– Гм, – сказал я. – Привет?

– Я вернусь, как только смогу, – заверила ее Виола.

– *Я буду присматривать за тобой. Тодд?*

– А? – я так до сих пор и тарачился на ее маленькое личико на экране.

– *Позаботься там о Виоле, слышишь?*

– Не извольте волноваться, – ответил я.

Виола снова что-то нажала на своем комме, и все лица исчезли. Она испустила долгий вздох и устало мне улыбнулась.

– Вот стоило тебя на пять минут оставить, и ты уже ускакал на войну?

Она это типа как в шутку сказала, но вот што интересно...

Интересно, уж не оттого ли, што я видел все эти смерти, Виола теперь выглядит как-то по-другому? Как бы более *настоящая*, более *здесь*... словно это самая потрясающая, невозможная вещь на свете, што мы с ней все еще *живы*, и в

груди у меня так смешно и тесно, и я думаю *Вот и она, здесь, со мной, моя Виола, приехала за мной, она здесь...*

И я думаю, как же мне хочется взять ее за руку и никогда больше не отпускать, и чувствовать ее тепло, гладкость кожи, сжимать ее крепко-крепко и...

– У тебя такой забавный Шум, – она снова странно на меня посмотрела. – Весь размытый какой-то. Я чувствую, что там есть чувства... – она отвела взгляд, а мне почему-то краска в лицо бросилась ни с того ни с сего, – но ничего толком не прочесть.

Я уже собирался сказать ей про мэра, как я вроде бы на минутку отключился, а когда открыл глаза, мой Шум уже был *светлее, тише...*

Уже прямо рот открыл сказать...

– Это как с твоей лошадьёу, да? – она наклонилась поближе и понизила голос (видела, што Ангаррад стоит вся тихая – Желудь из нее даже обычного лошадиного «здрасьте» не вытянул, как в табуне положено). – Это из-за того, что ты видел?

И этого хватило штобы вся битва сразу вывалилась обратно в авангард моих мыслей ринулась как потоп со всем своим ужасом и какой бы там затуманенный ни был мой Шум она наверняка все поняла потому что схватила меня за руку и это была сама забота сама тишина и покой и мне вдруг захотелось свернуться там у нее в ладони навсегда и лежать до конца моих дней и плакать плакать плакать и глаза у меня

сделались мокрые а она только выдохнула *Todd* и вся доброта на свете была там так што мне даже глаза пришлось отвести и как-то так вышло што мы оба уже стояли и смотрели на мэра по ту сторону костра который внимательно за нами оттуда наблюдал...

Она вздохнула.

– Зачем же ты *отпустил* его, Тодд? – прошептала она.

– Выбора не было, – так же шепотом ответил я. – Спаклы наступали, а армия пошла бы в бой только *с ним*.

– Но спаклам-то нужен в первую очередь он, разве нет? Они же напали только из-за геноцида?

– В этом-то я как раз и не уверен, – пробормотал я и только сейчас по-настоящему впустил в свои мысли 1017, которого упорно оттудова гнал... и то, как сломал ему руку от ярости... и как вытащил его из кучи мертвых тел... и што бы я на самом деле ни сделал, хоть хорошее, хоть дурное, он теперь все равно хотел, штобы я умер...

Я посмотрел на нее.

– Што же нам теперь делать, Виола?

– Останавливать войну, вот что. Мистрис Койл говорила, у них уже было перемирие – надо попытаться заключить новое. Может быть, Брэдли и Симона смогут поговорить со спаклами. Объяснить им, что мы не все такие...

– Но што, если они снова нападут еще до этого? – мы снова посмотрели на мэра, который нам приветливо кивнул. – Он понадобится нам, штобы не дать спаклам нас всех поубивать

тем временем.

– И он снова выйдет сухим из воды со всеми своими преступлениями, – Виола нахмурилась. – Потому что он нам нужен.

– У него армия, – напомнил я. – Они слушаются *его*. Не меня.

– А он слушается тебя?

Я вздохнул.

– Таков был план. Пока што он держит слово.

– Пока что, – тихо повторила она, потом вдруг зевнула и потерла глаза. – Я вообще не помню, когда в последний раз спала.

Я опустил глаза на свою руку – которая больше не держала её – и вспомнил, што она сказала Симоне.

– Так ты возвращаешься к ним?

– Придется, – кивнула она. – Надо найти мистрис Койл, пока она еще каких-нибудь пакостей не натворила.

Я снова вздохнул.

– Ладно. Но помни, что я сказал: я тебя не покину. Никогда. Даже у себя в голове.

И тогда она опять взяла меня за руку и ничего не сказала но ей и не надо, потомуш я знал... да, я *знал* ее а она меня и мы еще немного посидели вместе но куда деваться ей все же пора было уходить...

Виола неуклюже поднялась на ноги. Желудь еще разок боднул Ангаррад головой и подошел подхватить Виолу.

– Я буду тебе рассказывать, как у меня дела, – она помахала коммом. – И где я – тоже. Я вернусь, как только смогу.

– Виола? – подал голос мэр, подходя к нам от костра (она как раз уже успела вскарабкаться в седло).

– *Что?* – она закатила глаза.

– Я подумал, – сказал он непринужденно, будто заскочил одолжить яйцо-другое, – не будешь ли ты так любезна передать людям с твоего корабля, что я готов встретиться с ними в любой момент, когда им будет удобно.

– Да, это я им точно передам, – огрызнулась она. – А в ответ скажу вот что, – и ткнула пальцем в зонд, висящий вдалеке, в ночном небе. – Мы за тобой наблюдаем. Только тронь. Тогда пальцем и будь уверен: орудия с корабля разнесут тебя на миллионы кусочков – просто потому, что я попросила. Ясно?

Клянусь, улыбка мэра сделалась только шире.

Виола подарила мне последний долгий взгляд и ускакала. Назад, через город – искать, где скрывалась сейчас мистрис Койл.

– Что за девушка, – рядом со мной возник мэр.

– Даже не смей говорить о ней, – отрезал я. – Никогда.

Это он пропустил мимо ушей.

– Уже почти светает. Отдохни хоть немного. Это был большой день.

– И я не хочу, чтобы он повторился.

– Боюсь, с этим мы сделать ничего не можем.

– Еще как можем, – теперь, когда Виола сказала, что из всего этого может найтись выход, мне стало гораздо лучше. – Мы снова заключим мир со спаклами. Тебе нужно просто сдерживать их, пока это не произойдет.

– Что, правда? – ему эта мысль, кажется, понравилась.

– Да, – уже жестче ответил я.

– Увы, это так не работает, Тодд. Они совершенно не заинтересованы в переговорах, пока думают, что находятся в позиции силы. С какой стати им заключать мир, если они уверены, что могут в любой момент нас уничтожить?

– Но...

– Не волнуйся, Тодд. Я знаю эту войну. Я знаю, как *выиграть* эту войну. Сначала ты показываешь врагу, что можешь его победить, а потом заключаешь любой мир, какой только пожелаешь.

Я даже начал ему што-то в ответ говорить, но на самом деле был слишком усталый, чтобы спорить. Я вообще-то тоже не помнил, когда спал последний раз.

– А знаешь что, Тодд? – сказал мэр. – Держу пари, твой Шум уже стал немного тише.

и...

Я ЕСМЬ КРУГ И КРУГ ЕСТЬ Я.

Он снова послал мне это прямо в голову, и та же легкость, то же плывущее ощущение...

Ощущение, от которого Шум стихает...

О котором я не сказал Виоле ни слова...

(потомуш от него вопли войны стихают тоже, и я больше не вижу, как умирают люди, и...)

(и там ведь есть что-то еще, да?)

(тихое такое *жуужжание* позади всего этого света)

– Не лезь ко мне в голову, – сказал я. – Я тебе говорил, если попытаешься снова меня контролировать...

– Я вовсе не у тебя в голове, Тодд, – возразил он. – В том-то и красота. Это все ты. Тренируйся, Тодд. Это дар.

– Не нужны мне от тебя никакие дары.

– Уверен, в том-то и дело, – все еще улыбаясь, заявил он.

– Мистер президент! – встрял, внезапно появляясь, мистер Тейт.

– Ах да. Капитан, – отозвался мэр. – Прибыли первые доклады шпионов?

– Пока нет, сэр. Ожидаем сразу после рассвета.

– И они сообщат нам, что наблюдают ограниченные передвижения к северу, над рекой, которая слишком широка, чтобы спаклы могли переправиться, и к югу, вдоль гряды холмов, которые слишком далеко, чтобы их можно было эффективно использовать, – мэр поднял глаза на холм. – А значит, нападать они будут вон оттуда, в этом нет сомнений.

– Но я к вам не за этим, сэр, – мистер Тейт протянул ему какую-то кипу сложенной ткани. – Оказалось непросто

найти ее в развалинах собора. Но она оказалась совершенно нетронутой.

– Превосходно, капитан, – мэр принял ношу; в голосе его звучало неподдельное удовольствие. – Просто превосходно.

– Что это такое? – любопытствовал я.

Мэр развернул ткань и поднял повыше: это оказался нарядный с виду мундир и брюки к нему.

– Моя генеральская форма.

И на глазах у мистера Тейта, у меня и у всех солдат с ближайших бивуаков он стащил свой обычный мундир, заляпанный кровью и пылью, и натянул этот, идеально подогаанный, темно-синий, с золотой полосой вдоль каждого рукава. Разгладил его ладонями по всей длине и глянул на меня все с той же прыгающей в глазах довольной искоркой.

– Ну что ж, да начнется битва за мир.

[ВИОЛА]

Мы с Желудем возвращались по дороге... в город... через площадь... Небо на востоке тихо розовело под натиском надвигающейся зари.

Пока могла, я оглядывалась на Тодда... Но вскоре он пропал из виду. Я ужасно за него беспокоилась, за его Шум... Даже когда я отъезжала, в нем все еще была эта странная размытость, эта муть: деталей не разглядишь, но чувства все равно бушуют...

(даже те... ну, *те самые*, которые было видно всего-то с минуту, пока он не растерялся, не смутился – физические чувства, без слов, сосредоточенные на ощущении моей кожи, на том, как ему хотелось не прерывать контакт, от которых мне самой захотелось...)

...и я снова задумалась, не тот ли это самый шок, что и у Анггарад? Увиденное в битве оказалось *настолько плохим*, что он захотел перестать его видеть, совсем, даже у себя в Шуме... – от одной этой мысли у меня просто сердце разрывалось.

Еще одна причина немедленно прекратить войну.

Я поплотнее запахнула бушлат, который мне выдала Симона. Стоял жуткий холод, я вся дрожала, но вместе с тем почему-то истекала потом – из краткого курса целительницы явствовало, что у меня поднимается температура. Подтянула рукав, заглянула под повязку: кожа вокруг браслета была воспаленная и красная.

А теперь от него к запястью еще и тянулись красные протуберанцы.

Которые означали инфекцию. Очень скверную инфекцию.

Которую даже пластырь победить не смог.

Я опустила рукав и попыталась не думать о том, что увидела. И о том, что не сказала Тодду, как ужасно это было, –

тоже. Не думать.

Потому что мне все равно надо найти мистрис Койл.

– Так, – сказала я Желудю. – Она все время толковала про океан. Интересно, он правда так далеко, как она...

Я подскочила: это у меня в кармане пискнул и заворочался комм.

– Тодд? – я мгновенно выхватила аппарат из кармана, но это оказалась Симона.

– *Возвращайся сюда немедленно*, – сказала она.

– Почему? – встревожилась я. – Что случилось?

– Я нашла твой Ответ.

Прежде

[Возвращение]

Солнце уже почти собралось вставать, когда я дошел до провиантских костров и взял себе еды. Земля смотрела, как я беру миску и накладываю в нее жаркого. Их голоса открыты – вряд ли их можно закрыть и все еще оставаться частью Земли, – и я слышу, как они обсуждают меня, мысли распространяются от одного к другому, образуя одно мнение, потом другое, противоположное, потом опять возвращаются к первому – мне едва удавалось за ними поспевать.

А потом они приходят к решению. Одна из них подымается на ноги и протягивает мне большую костяную ложку, чтобы мне не пришлось просто хлебать жаркое из миски, через край, и за нею я слышу голоса Земли, их общий *голос*, который протягивает ее мне вместе с дружбой.

Я протягиваю руку, беру...

Говорю *спасибо* на языке Бремени...

И вот оно опять, легкое общее неудобство от языка, на котором я говорю, неприязнь к чему-то, столь чуждому, столь... *индивидуальному*, говорящему – слишком внятно – о чем-то постыдном. Его быстро замяли, заспорили в вихре голосов, но на мгновение – да, оно там было.

Я не взял ложку.

В спину мне несутся извиняющиеся голоса, но я ухожу и

не обращаю. Иду по тропинке, которую нашел, – вверх, на каменистый холм у обочины дороги.

Земля в основном расположилась лагерем вдоль дороги, в плоской части долины, но на склоне тоже стоят наши – из тех краев, где Земля селится в горах, кому привычнее и знакомей на крутизне. А внизу – те, кто пришел из низин, от рек и спит теперь в наскоро вытесанных лодках.

Но какая разница – Земля же все равно одна, едина в себе, разве нет? В Земле нет иных, нет других – никаких *они* или *те*.

Есть только одна Земля.

А я – тот, кто стоит снаружи.

Дальше холм становится так крут, что приходится лезть. Вон там, чуть подальше, утес – можно сесть на него и сидеть, глядя на Землю внизу... как она сама может посмотреть через кромку холма и увидеть внизу, под собою, Расчистку.

Место, где я могу остаться один.

Я не должен быть один.

Мой один особенный должен быть здесь, рядом со мной – есть со мной, борясь со сном, пока заря медленно высвечивает небо... Ждать следующей фазы войны.

Но моего одного особенного здесь нет.

Потому что моего одного особенного убила Расчистка, когда Бремя выгоняли из садов и подвалов, из запертых комнат, с половины слуг. Нас с одним особенным держали в садовом сарае, и когда в ночи к нам выбили дверь, один осо-

бенный вступил в бой. За меня вступил. За то, чтобы не дать им меня увести.

И оказался сражен. Зарублен тяжелым клинком.

А меня поволокли прочь. Я истошно щелкал – идиотские, негодные звуки, все, что нам осталось после того, как Расчистка заставила всех принять это их «лекарство». Звуки, *совершенно* не способные выразить, каково это – когда тебя отрывают от твоего одного особенного и кидают в толпу Бремни, согнанных со всех сторон... которым приходится повалить тебя наземь и придавить, чтобы не пустить назад, в этот сарай, где...

Чтобы тебя самого там не зарубили.

Я ненавидел за это Бремя. Ненавидел, что не дали мне умереть тогда же, на том самом месте, раз уж одного горя не хватило, чтобы положить конец моей жизни. Ненавидел за то, как они...

За то, как *мы* смирились со своей долей, как пошли туда, куда нам сказали, ели, что нам сказали, спали, где велели. За все это время мы однажды – только однажды! – дали сдачи. Ножу и тому, второму, что был с ним, громкому – он был больше, но казался моложе. Мы взбунтовались, когда этот, второй, застегнул ошейник на шею одного из нас – из чистой жестокой забавы.

В тот момент, в тишине, Бремя вдруг снова друг друга поняло. На один миг мы снова стали едины, связаны...

Больше не одиноки.

И дали сдачи.

И некоторые из нас умерли.

И больше мы не сопротивлялись.

Ни когда группа Расчистки вернулась с ружьями и саблями. Ни когда нас построили и начали убивать. Стрелять нас, рубить нас, издавая этот их высокий цокот, который называется *смех*. Убивая молодых и старых, матерей и детей, отцов, сыновей. Если мы пытались дать отпор, нас убивали. Если не пытались – тоже убивали. Если мы бежали – нас убивали. И если не бежали – тоже.

Одного за другим одного за другим одного за другим...

И никакой возможности разделить этот ужас друг с другом. Никакой возможности скоординировать свои действия и защититься. Никакого утешения в смертный час.

Мы умирали одни. Каждый из нас – один.

Все – кроме одного.

Кроме 1017.

Прежде чем начать резню, они просмотрели наши браслеты и нашли меня. Они вытащили меня к стене и заставили смотреть. Слушать... как затихает шелканье Бремени, как трава промокает от крови... пока я не остался единственным выжившим Бременем в целом свете.

И тогда меня оглушили дубинкой по голове, и я очнулся в куче тел – со знакомыми лицами, руками, что несли мне утешение, устами, что делились едой, глазами, что пытались поделиться страхом...

Я очнулся, один среди мертвых... и они давили на меня, давили, душили...

А дальше там оказался Нож.

Он сейчас здесь...

Тащит меня наружу из кучи тел Бремени...

И мы вместе катимся наземь, а я – прочь от него...

Мы тарачимся друг на друга, от дыхания в холоде виснут облачка...

Его голос распахнут настежь – ужасом, болью от того, что он видит...

Ужасом, болью, которые он чувствует всегда...

Ужасом, болью, которые грозят вот-вот захлестнуть его, в любой момент...

Но так и не захлестывают.

– Ты жив, – говорит он, и в нем такое *облегчение*, такое *счастье*, оттого что он видит меня посреди всей этой смерти, где я отныне один один один навек, он так счастлив, что я клянусь себе его убить...

И тогда он спрашивает меня о своем одном особенном...

Спрашивает, не видал ли я здесь, среди резни *моего* народа, одного из *его* народа...

И моя клятва делается нерушима.

Я показываю, что убью его...

Во всей слабости моего возвращающегося голоса я показываю, что я его убью...

И да, я убью...

Сейчас, я сделаю это *прямо сейчас*...

Ты в безопасности, говорит мне голос.

Я уже на ногах, в панике размахиваю кулаками.

Небо с легкостью ловит их в свои огромные руки. Вывалившись из кошмара этой грезы, я чуть не падаю вниз со своего утеса. Ему снова приходится меня ловить. Рука хватает меня ровно за браслет, и я кричу, пока он ставит меня на ноги; его голос окружает боль в моем, обволакивает ее, гасит, держит в объятиях, пока огонь в руке не унимается.

Все еще так больно? – мягко спрашивает Небо на языке Бремни.

Я тяжело дышу, у меня шок от возвращения в реальность, от того, что рядом обнаруживается Небо, от боли.

Да, все, что я могу сейчас ему показать.

Прости, что я так и не смог ее исцелить, показывает он. *Земля удвоит свои усилия.*

Усилия Земли лучше направить в другое русло, показываю я. *Это отрава Расчистки, предназначенная для животных. Исцелить это могут только они, да и то не наверняка.*

Земля многому учится у Расчистки, показывает Небо. *Мы слышим их голос, даже когда они не слышат нашего. И учимся.* В его голосе появляется неподдельное чувство. *Мы спасем Возвращение.*

Мне не нужно спасение, показываю я.

Ты не ХОЧЕШЬ спасения, это совсем другое. И к тому

же это займет Землю.

Боль в руке отпускает, я тру ладонями лицо, пытаюсь поскорее проснуться.

Я не собирался спать, показываю я. Я вообще не хочу спать, пока Расчистка не уберется отсюда навсегда.

И что, тогда в твои сны вернется мир? – озадаченно показывает Небо.

Ты не понимаешь, показываю я. Не можешь понять.

И снова его тепло окружает мой голос.

Возвращение не прав. Небо в силах разделить прошлое в голосе Возвращения, такова природа голоса Земли: все переживают опыт как один, ничто не забывается, а все вещи...

Это не то же самое, что быть там самому, перебиваю я, понимая, что груб. Воспоминание не равно событию.

Он умолкает, но тепло остается со мной.

Возможно, и нет, показывает он наконец.

Чего вы хотите? – показываю я, немного слишком громко, пристыженный его добротой.

Он кладет руку мне на плечо, и мы вместе смотрим, как внизу, вдоль дороги, расстилается Земля: справа – до самого края холма, нависающего над Расчисткой, а слева – докуда только хватает глаз, за излучину реки и еще того дальше, я знаю.

Земля отдыхает, показывает Небо. Земля ждет. Ждет Возвращения.

Я не показываю ничего.

Ты – от Земли, показывает он. Ты – один из нас, сколь бы отдельным себя сейчас ни ощущал. Но это не все, чего ждет сегодня Земля.

Я смотрю на него.

Что-то изменилось? Мы будем атаковать?

Еще не сейчас, показывает он. Но есть много способов во-евать.

Он открыл свой голос и показал мне, что сейчас видят глаза других по всей Земле...

В свете нового солнца, текущем в самые глубокие долины...

И я вижу тоже.

Я вижу грядущее.

И ощущаю свою собственную маленькую искорку тепла.

[ВИОЛА]

– Можешь представить место безопаснее, моя девочка? – сказала мистрис Койл.

После звонка Симоны мы с Желудем со всех ног припустили обратно на холм.

Где успел расположиться лагерем Ответ.

Холодное солнце вставало над поляной, битком набитой телегами, людьми и первыми кострами. Уже и полевую кухню успели поставить, где теперь мистрис Надари и мистрис Лоусон деловито распределяли припасы и выдавали пайки –

с синими «О» на груди. А у кое-кого еще и на лицах – вон их несколько виднеется в толпе. Магнус и другие, из знакомых, ставили палатки. Я помахала Уилфу, который занимался скотиной. С ним была Джейн, которая так жизнерадостно замахала в ответ, что я испугалась, она себе руку вывихнет.

– Может, твои друзья и не хотят лезть в нашу войну, – заявила мистрис Койл с припаркованной прямо у трапа корабля телеги (там она устроила себе постель и там же сидела теперь, поедая завтрак). – Но если мэр или спаклы вздумают напасть, они наверняка захотят как-то себя защитить.

– Наглости тебе не занимать, – сердито бросила я, не слезая с Желудя.

– Не занимать, – согласилась она, отправляя в рот еще ложку каши, – потому что наглость, она же выдержка, – это то, что поможет сохранить жизнь моим людям.

– Ага. Пока ты не решишь снова кем-то пожертвовать.

– Думаешь, ты меня знаешь, – она прожгла меня взглядом. – Думаешь, я злая, жестокая и вообще тиран. Да, мне приходилось принимать трудные решения, но у них всегда была только одна цель, Виола. Избавиться от этого человека и вернуть Убежище, каким мы знали его когда-то. Вовсе не резня ради резни. И не бессмысленное жертвоприношение хороших людей. Как ни удивительно, это всегда была та же цель, что и у тебя, моя девочка. *Мир.*

– Вот только средства у тебя чересчур военные.

– У меня *взрослые* средства, – покачала головой она. – А

взрослые средства не милы и не добры. Зато они помогают добиться цели, – она кивнула кому-то у меня за спиной. – Доброе утро.

– Доброе утро.

По трапу спустилась Симона.

– Как он? – спросила я.

– Разговаривает с конвоем. Пытается выяснить, есть ли от этого какое-то лекарство, – она скрестила руки на груди. – Пока безрезультатно.

– У меня лекарство было, но все вышло, – сообщила мистрис Койл. – Но есть природные средства, они помогают смягчить острое состояние.

– Держись от него подальше – предупредила я.

– Я *целитель*, Виола, – напомнила она, – нравится тебе это или нет. Я и *тебя* была бы не прочь исцелить – это ведь лихорадка, как я погляжу.

Симона встревоженно поглядела на меня.

– Она вообще-то права, Виола. Ты плоховато выглядишь.

– Эта женщина меня больше пальцем не тронет, – отрезала я. – Никогда.

Мистрис Койл тяжело вздохнула.

– Даже в порядке возмещения убытков, моя девочка? Как первый знак примирения между нами?

Я испытующе посмотрела на нее... Ведь и правда, превосходная целительница... как она сражалась за жизнь Коринн... как смогла одной силой воли превратить горстку це-

лительниц и дезертиров в армию, способную, как она и сказала, свергнуть мэра, не подоспей вдруг спаклы...

Но и о бомбах я тоже не забыла, вот в чем закавыка.

Особенно о той, последней.

– Ты пыталась убить меня.

– Я пыталась убить *его*, – вздохнула она. – Разница есть.

– Для новеньких местечко будет? – сказал позади новый голос.

Мужчина, с ног до головы в пыли, униформа драная и хитрые глаза. Их-то я и узнала.

– Айвен?

– Продрал я глаза в соборе, а у вас тут война в полный рост.

За ним другие уже тянулись к полевой кухне – те, кто пытался помочь нам с Тоддом свергнуть мэра... кого оглушила Шумовая атака мэра... Айвен тогда упал последним.

Не могу сказать, что я сильно ему обрадовалась.

– Тодд говорил, ты всегда на той стороне, где сила.

– Потому-то я до сих пор и жив, – он мне чуть ли не подмигнул.

– Добро пожаловать, – решительно вмешалась мистрис Койл, будто это она тут командовала.

Айвен благодарно кивнул и пошел питаться.

Я посмотрела на нее: она улыбалась. Улыбалась тому, что я сказала – про силу.

Потому что на сей раз он пришел к ней.

[ТОДД]

– Очень умно, – похвалил мэр. – Именно это я бы и сделал на ее месте. Попытался перетянуть наших новых поселенцев на свою сторону.

Виола первым делом позвонила мне и рассказала, што у них на холме объявился Ответ. Я попытался скрыть это от мэра, держа Шум легким, светлым – и все это без малейших усилий.

Ясное дело, он меня все равно услышал.

– Нет никаких *сторон*, – отрезал я. – Больше не может быть сторон. Сейчас все мы – против спаклов.

На это он сказал только «м-м-м-м».

– Мистер президент? – это мистер О’Хеа явился с очередным докладом.

Мэр жадно уткнулся в него голодными глазами.

Потомуш до сих пор ничего не произошло. Он, наверное, ждал, што новая битва начнется прямо с рассветом, но холодное солнце уже успело вскарабкаться на небосклон, а ничего так и не случилось. Вот и полдень подоспел – и опять ничего. Будто и не было вчера никакой резни.

(только вот она была)

(а у меня в голове... у меня в голове она шла до сих пор...)

(*Я емь круг и круг есть я*, подумал я так легко, как только мог)

– Не слишком информативно, – сказал мэр мистеру О’Хеа.

– Есть сообщения о возможных маневрах к югу...

Мэр сунул ему обратно бумаги, прервав на полуслове.

– Ты отдаешь себе отчет, Тодд, что, если они начнут наступление всеми силами сразу, мы ничего не сможем поделать? У наших орудий рано или поздно кончатся боеприпасы, люди все будут убиты, но и тогда неприятеля будет более чем достаточно, чтобы стереть наши остатки с лица земли, – он задумчиво клацнул зубами. – Так чего же они не наступают?

Он повернулся к мистеру О’Хеа.

– Велите людям подойти ближе.

Тот удивленно воззрился на него.

– Но, сэр...

– Нам нужна информация.

Мистер О’Хеа секунду смотрел на него.

– Есть, сэр, – сказал он и зашагал прочь, но было видно, что приказу этому он не слишком рад.

– Возможно, спаклы думают не как ты, – сказал я. – Может быть, их цель – не просто война.

– Ты уж прости меня, Тодд, – расхохотался он, – но ты не знаешь нашего врага.

– Возможно, ты тоже. Не так хорошо, как ты думаешь, во всяком случае.

Он перестал ржать.

– Я уже их бил, Тодд. И побью снова, даже если с тех пор они стали и умнее, и лучше, – он стряхнул какую-то пылинку со своих генеральских брюк. – Они нападут, помяни мое слово, и когда они это сделают – я их побью.

– И тогда мы заключим мир, – твердо закончил я.

– Да, Тодд, – согласился он. – Как скажешь.

– Сэр? – на сей раз это был мистер Тейт.

– Ну, в чем дело? – развернулся мэр.

Но мистер Тейт не смотрел на нас. Он смотрел нам за спины, за армию... где мужской РЕВ уже тоже менялся при виде...

Мы с мэром повернулись посмотреть.

И на какую-то секунду, клянусь, я глазам своим не поверил.

[ВИОЛА]

– Я правда думаю, что мистрис Койл стоит на это взглянуть, Виола, – встревоженно сказала мистрис Лоусон, перебинтовывая мне руку.

– Вы и сами прекрасно справляетесь, – возразила я.

Дело было в импровизированном доме... комнате исцеления на борту нашего разведчика. Пока утро раскачивалось, мне и вправду становилось все хуже. И наконец я отправилась искать мистрис Лоусон, а та чуть в обморок не упала, когда увидела мою руку. На бегу испросив разрешения у Си-

моны, она потащила меня на корабль и кинулась жадно читать инструкции ко всем новым приборам, которые они привезли.

– Это самые сильные антибиотики, какие мне удалось найти, – сказала она, заканчивая повязку.

Вместе с лекарством под кожу поползла прохлада. Красные щупальца уже тянулись в обе стороны от браслета.

– Теперь нам остается только ждать.

– Спасибо, – пробормотала я, но она меня вряд ли услышала, так как снова бросилась прочесывать местный медицинский арсенал.

Лоусон всегда была самой доброй из мистрис. Маленькая, кругленькая, в Убежище она отвечала за педиатрию. И больше всего на свете хотела одного: чтобы люди рядом с ней перестали страдать.

Я оставила ее заниматься своим делом и потопала по трапу обратно на поляну, где лагерь Ответ уже выглядел так, будто стоял тут всю жизнь. Сверху над ним нависала ястребиная тень корабля. Ряды и ряды аккуратных палаток, костров, провиантских складов, точек сбора. И утра, можно сказать, не прошло, а лагерь уже ничем не уступал тому, который я увидела первым, в копиях. Кто-то радостно со мной здоровался, когда я шла между палатками, но другие делали вид, будто не замечают. Не понимали, стало быть, какую роль я во всем этом играю.

Этого я вообще-то и сама не понимала.

К мистрис Лоусон я пошла только потому, что собиралась тут же ехать обратно, к Годду... хотя устала уже настолько, что, чего доброго, могла заснуть прямо в седле. За утро я успела уже дважды с ним переговорить. Голос через комм получается жестяной и далекий-далекий, а Шум – сильно приглушенный, задавленный в маленьких коммовских динамиках Шумом всей окружающей его армии.

Но хотя бы лицо его увидеть – и то хорошо.

– Это, стало быть, все твои друзья? – осведомился Брэдли, оказываясь вдруг позади меня.

– Привет! – я прямо бросилась ему на шею. – Как ты себя чувствуешь?

Громко, сказал его Шум, а Брэдли даже чуть улыбнулся – он и правда был сегодня поспокойнее, не настолько в панике.

– Ты привыкнешь, – пообещала я. – Слово даю.

– Хочу я того или нет, ага.

Он отвел мне прядку с глаз. ТАКАЯ ВЗРОСЛАЯ, сказал Шум. И ТАКАЯ БЛЕДНАЯ. И показал мне меня – из прошлого года, на классе по математике. Такую маленькую, такую *чистую*, что я невольно расхохоталась.

– Симона разговаривает с конвоем, – сообщил он. – Они согласны, что нужен мирный подход. Мы попробуем встретиться с этими спаклами и предложить гуманитарную помощь местному населению. Последнее, что нам нужно, – это оказаться втянутыми в войну, которая к нам не имеет никакого отношения, – он крепко сжал мне плечо. – Ты была со-

вершенно права, Виола, пытаюсь не дать нам вмешаться.

– Хотела бы я знать, что нам *теперь* делать, – я постаралась отстраниться от его похвалы, вспомнив, как близко подошла к тому, чтобы выбрать другой вариант... – Я хотела выяснить у мистрис Койл, как сработало первое перемирие, но...

Тут я умолкла, потому что к нам кто-то бежал через поляну, оглядываясь по сторонам, разыскивая знакомое лицо... потом увидел корабль, увидел *меня* и припустил со всех ног...

– Это кто там? – спросил Брэдли, но я уже оторвалась от него, и...

Потому что это был...

– ЛИ!!! – закричала я и кинулась навстречу.

ВИОЛА, вопил его Шум, ВИОЛА, ВИОЛА, ВИОЛА, и вот мы встретились, и он схватил меня и закружил в выжимающем весь воздух из легких объятии, от которого у меня тут же заболела рука.

– Слава богу!

– Ты как? Ты цел? Где ты...

– Река! – едва дыша, перебил меня он. – Что творится с рекой?

Он посмотрел на Брэдли, назад на меня. Шум встал волной, а за ним и голос.

– *Вы что, не видели реку?!*

[ТОДД]

– Но *как?* – я таращился на водопад...

Который на глазах делался все тише и тише...

И уже почти начал совсем иссякать...

Спаклы поворачивали реку вспять.

– Очень умный ход, – сказал сам себе мэр. – Просто *очень* умный.

– Што? – я почти заорал ему в лицо – Што они такое делают?

Вся армия до последнего солдата уже смотрела туда – РЕВ стоял такой, што не услышишь – не поверишь... – в панике следя за тем, как водопад превращается в тонкую струйку, словно там, наверху, кто-то взял и закрутил кран, и река внизу съезживалась, и вот уже там, где лежал берег, были только футы и футы сырой грязи...

– Ни слова от наших шпионов, так, мистер О’Хеа? – спросил мэр отнюдь не довольным голосом.

– Ни единого, сэр, – отрапортовал тот. – Если это дамба, она должна быть очень далеко. Гораздо выше по течению.

– Значит, нам надо выяснить в точности, что там происходит, не так ли?

– *Сейчас*, сэр?

Мэр так на него посмотрел, што тот отдал честь и смылся с рекордной скоростью.

– Да што происходит-то? – взвыл я.

– Они хотят осады, Тодд, – объяснил мэр. – Вместо того чтобы сражаться в открытом бою, они лишили нас воды и теперь просто подождут, пока мы ослабеем и они смогут пройти по нам пешком, – кажется, он почти гневался. – Им не это полагалось делать, Тодд. И им такой ход с рук не сойдет. Капитан Тейт!

– Сэр! – рявкнул Тейт, который стоял рядом и смотрел вместе с нами.

– Стройтесь в боевые порядки.

– Сэр? – донельзя удивился тот.

– Какие-то проблемы с исполнением приказа, капитан?

– Бой на холме, сэр... Вы же сами говорили...

– Это было до того, как враг отказался играть по правилам.

Слова мэра плыли по воздуху, кружились, проникали в головы солдат по всему периметру лагеря...

– Каждый солдат исполнит свой долг, – продолжал мэр. – Каждый будет биться, пока мы не победим. Они не ожидают, что мы обрушимся на них так внезапно и жестко, – фактор неожиданности на нашей стороне. Вам все ясно?

– Да, сэр, – и мистер Тейт кинулся в лагерь, выкрикивая приказы.

Ближайшие к нам полки уже вооружались и строились.

– Готовься, Тодд, – мэр проводил его взглядом. – Сегодня мы расставим все точки над «і».

[ВИОЛА]

– Как? – вырвалось у Симоны. – Как они это сделали?

– Вы можете послать наверх зонд? – спросила мистрис Койл.

– Они его снова собьют, – возразил Брэдли, набирая что-то на пульте дистанционного управления.

Мы все собрались вокруг трехмерной проекции, в тени от крыла корабля: я, Симона, Брэдли, Ли... мистрис Койл, конечно. И из Ответа стал подтягиваться народ, как только прошел слух.

– Так, смотрим, – проекция сделалась еще больше.

В толпе ахнули. Река практически пересохла, водопад иссяк. Ракурс пошел выше, но разглядеть удалось только то, что и над водопадом река исчезает на глазах, а на дороге сплошной бело-глиняной массой раскинулась армия спаклов.

– А другие источники воды здесь есть? – сразу же спросила Симона.

– Мало, – ответила мистрис Койл. – Пара прудов и родников, но...

– Значит, у нас большие проблемы, – перебила Симона. – Так?

– Ты думаешь, у нас *только теперь* большие проблемы? – Ли наградил ее остолбенелым взглядом.

– А я вам говорила, что их не стоит недооценивать, – сказала Брэдли мистрис Койл.

– Нет, – отрезал Брэдли. – *Вы* нам говорили разбомбить их к чертям, даже не пытаясь заключать никакое перемирие.

– И скажете, я была не права?

Брэдли поколдовал с настройками. Зонд взмыл выше в небо и показал еще больше спачьей армии – тысячи, тысячи, протянувшиеся вдоль дороги. В толпе снова заахали – до Ответа, наконец, стало доходить, сколько там на самом деле спаклов.

– Нам их всех не убить, – покачал головой Брэдли. – Мы бы только подписали себе смертный приговор.

– Что сейчас делает мэр? – сдавленно поинтересовалась я.

Брэдли поменял угол обзора. Армия мэра строилась в боевые порядки.

– Нет, – с присвистом прошептала мистрис Койл. – Не может быть.

– Чего не может быть? – чуть не выкрикнула я. – *Чего?*

– Он не может сейчас атаковать. Это форменное самоубийство.

Пикнул комм, я выхватила его из кармана.

– Тодд?

– *Виола?* – его встревоженное лицо оказалось у меня в ладони.

– Что у вас происходит? Ты в порядке?

– *Река, Виола... Она...*

– Мы ее видим. Следим прямо отсюда...

– *Водопад! Они в водопаде!*

[ТОДД]

В тени под исчезающим водопадом протянулась череда огней – вдоль той самой тропинки, где прошли когда-то мы с Виолой, убегая от Аарона... мокрой, скользкой каменной тропинки за рушащейся стеной воды, что вела в заброшенную церковь в кармане скалы. На внутренней стене большой белый круг и два маленьких... эта планета и две кружащие вокруг нее луны – вон они, светятся над цепочкой огней, бегущей вдоль... теперь уже просто мокрого утеса.

– Ты их видишь? – спросил я у Виолы через комм.

– *Погоди*, – ответила она.

– Тот бинок все еще при тебе, Тодд? – подал голос мэр.

Я совсем забыл, што отобрал бинок у него обратно... – побежал к Анггаррад, которая по-прежнему молча стояла у моей поклажи.

– Не волнуйся, девочка, – сказал я ей, роясь у себя в сумке, – я смогу тебя защитить.

Бинок я отыскал, но к мэру назад не пошел, а жадно вперился в него сам. Нажал какие-то кнопки, приблизил картинку...

– *Мы их видим, Тодд*, – сказала Виола из комма. – *Эта группа спаклов, они на той тропинке, по которой мы тогда*

бежали...

– Знаю-знаю, – ответил я. – Я их тоже вижу.

– *Что* ты видишь, Тодд? – рядом нарисовался мэр. – *Что они там такое несут?*

– Типа лука, кажется... – попробовал разглядеть я. – Но только они не похожи на...

– *Тодд!* – вскрикнула она, и я посмотрел поверх биноклов...

Одно пятнышко света оторвалось от цепочки, выстрелило прямо из-под церковного символа и теперь медленной дугой спускалось к речному ложу...

– Что это там? – снова подал голос мэр. – Слишком большое для стрелы.

Я снова уткнулся в бинок и стал водить им, выискивая это световое пятно, с каждой секундой приближающееся к нам...

Ага, вот оно...

С виду как-то... колышется, што ли... мерцает, то пригаснет, то снова вспыхнет...

Теперь уже все следили глазами его полет, крутой аркой над последними жалкими струйками воды.

– *Тодд?*

– Да что это там такое, Тодд? – прорычал над ухом мэр.

А я все смотрел через бинок...

Как огонек чертит воздух...

Меняет траекторию...

И берет курс на армию...

На нашу армию...

И уже совсем не мигает...

Он *вращается*...

И огонек уже больше не огонек...

А *огонь*.

– Нам нужно вернуться! – сказал я, не отрывая бинока от глаз. – Вернуться в город.

– *Оно летит прямо к вам, Тодд!* – закричала в комме Виола.

Терпение у мэра лопнуло, и он попытался вырвать у меня бинок...

– Эй! – заорал я...

И отвесил ему правой в скулу...

Он отшатнулся, больше удивившись, чем пострадав...

Но позади уже подымался крик, и на него-то мы и оглянулись...

Крутливый огонь добрался до армии...

Толпа солдат попыталась расступиться, убраться с дороги, потому што он пер прямо на них...

И летел *к нам*...

Ко мне летел...

Но на пути было слишком много народу...

И этот чертов огонь, крутясь и слепя, шел прямо через них...

На уровне головы...

И первых солдат, кого он коснулся, разорвало практически пополам...

Но он *не остановился*...

Он, *еть, и не думал останавливаться*...

Даже вращение не сбавило оборотов...

Он прожигал себе дорогу через строй солдат, словно спички чиркал...

Уничтожая все на своем пути...

Заливая людей по обе стороны липким белым пламенем...

И все равно летел вперед...

На той же бешеной скорости...

Прямо на меня...

На меня и мэра...

И бежать...

Было...

Некуда...

– *Виола!* – закричал я...

[ВИОЛА]

– Тодд! – закричала я при виде этого огня, который описал дугу по воздуху и врезался в гущу солдат...

Насквозь... гущи солдат...

Сзади, где люди тоже смотрели в проекцию, слышались вопли ужаса.

Огонь резал толпу пополам легко, словно кто-то линию ручкой рисовал, – еще и дугу загибал... рвал солдат на куски, отправлял тела в полет, обмазывал все поблизости от себя жидким огнем...

– *Todd!* – истошно заорала я в комм. – *Убирайся оттуда!*

Но я даже лица его больше не видела – только огонь, продавший себе путь через проекцию, убивающий все на пути, а потом...

А потом он взял и *взмыл*.

– Что за черт? – выдохнул рядом со мной Ли.

Огонь резко пошел вверх, вон из толпы, бросив вдруг убивать людей...

– Закладывает новую траекторию, – прокомментировал Брэдли.

– Что это *такое?* – обратилась Симона к мистрис Койл.

– Понятия не имею. Никогда раньше не видела, – ответила та, не в силах оторвать взгляд от проекции. – Очевидно, спаклы времени зря не теряли.

– *Todd?* – сказала я в комм.

Но ответа не получила.

Брэдли большим пальцем нарисовал квадрат на экране пульта. В проекции появилась рамка, захватила эту огненную штукювину, увеличила и сместила вбок от главной картинки. Еще какие-то настройки, и она, наконец, замедлилась. Огонь горел на вращающейся, состоящей из лезвий восьмерке, такой яркой и злой, что на нее даже смотреть бы-

ло трудно...

– Она летит обратно, к водопадам! – Ли ткнул пальцем в проекцию, где огненная штука взлетела над армией, закладывая дугу и все так же умопомрачительно быстро.

Она поднялась еще выше в воздух, завершая широченную окружность, вдоль холма с зигзагообразной дорогой и направилась к каменной полке под теперь уже окончательно пересохшим водопадом. Горя и крутясь. Теперь там было видно спаклов, десятки их – они стояли с новыми горящими штуками на изготовку, натянув луки. Когда первая полетела прямо на них, они и глазом не моргнули. Вот уже можно было разглядеть спакла с пустым луком, который ее и запустил...

Он перевернул лук вверх тормашками, показав загнутый крюк на нижнем его конце, и идеальным движением изловил летящую восьмерку, вынул ее уверенным движением из воздуха и мгновенно перезарядил, готовый стрелять снова. Высотой она, надо сказать, была в полный его рост.

В отраженном свете горящих штук было видно, что руки и все тело у спаклов покрыты толстым, но гибким слоем глины, защищающим от ожогов.

– Тодд? – повторила я в комм. – Тодд, ты там? Вам надо бежать! *Тодд, беги...*

А тем временем на приближенном кадре все спаклы подняли луки...

– *Тодд!* – заорала я. – *Ответь мне!*

И как один...

Выстрелили...

[ТОДД]

– *ВИОЛА!* – закричал я...

Но комма у меня больше не было и бинока тоже...

Их у меня вышибла из рук стена бегущих солдат, толкающихся, отпихивающих друг друга с дороги и орущих...

И горящих...

Вертялый огонь пропахал дугу через толпу прямо передо мной, убивая так быстро, што убитые не успевали даже понять, што с ними произошло, и обливая огнем на два-три ряда в обе стороны...

И в тот самый миг, когда я сам должен был лишиться головы...

Он ушел вверх.

Ушел вверх и стал закладывать обратную дугу...

Возвращаясь на полку за водопадом, из которой вылетел...

Я завертелся на месте, пытаюсь понять, куда бежать...

И тут поверх всего солдатского ора...

Услышал визг Ангаррад...

И я развернулся, и, толкаясь, пихаясь, расшвыривая людей, стал пробираться к моей лошади...

– Ангаррад! АНГАРРАД!

Но ее нигде не было видно...

Зато слышно – перепуганный, пронзительный визг...

Я ринулся в толпу с новой силой...

Но тут меня схватили за воротник...

– *Нет, Тодд!* – проорал мэр, отгаскивая меня назад.

– Мне надо к ней! – рывкнул я и вырвался...

– *Нам надо бежать!*

И поскольку мэр ни за что, никогда бы такого не сказал, я повернулся посмотреть на него...

Но его взгляд был устремлен к водопаду...

И я проследил его тоже...

И...

И...

Святой боже...

Расширяющаяся арка огня неслась на нас от утеса...

Спаклы выпалили изо всех луков сразу...

Десятки луков...

...способных оставить от нашей армии пустое место...
только пепел и куски тел...

– *Скорее!* – прокричал мэр, снова хватая меня. – *В город!*

Но я уже увидел прореху в толпе и в ней Ангаррад...

Она в ужасе встала на дыбы...

Вытаращив глаза, она пыталась вывернуться из хватающих ее со всех сторон рук...

И я прыгнул за ней...

...прочь от мэра...

Все пространство меж нами было битком набито солдат-

ней...

– Я здесь, девочка! – и я поднажал еще сильнее...

Но она только кричала, кричала...

Я добрался до нее и сдернул солдата, уже почти взобравшегося в седло...

Вращающиеся огни были все ближе... ближе...

Чертя дуги в обе стороны на сей раз...

Заходя с разных сторон...

Беря в клещи...

Солдаты метались во все стороны сразу – в сторону города, к реке, где по грязи еще текла утлая струйка, и даже назад, к расчерченному зигзагом холму...

– Беги, моя девочка! – прошептал я.

Когда крутящиеся огни накрыли нас...

[ВИОЛА]

– Тодд! – снова крикнула я...

Одни огни пошли прямо над рекой, другие – дугой вдоль окаймлявших долину холмов...

Забирая армию в клещи с обеих сторон...

– Где он?! – завопила я. – Ты его видишь?

– Я в этой неразберихе вообще ничего не вижу, – ответил

Брэдди.

– Мы должны что-то сделать!

Мистрис Койл поймала мой взгляд, впилась глазами в ли-

цо, цепко, изучающе...

– Тодд? – я переключилась на комм. – Ответь мне, *пожалуйста!*

– Они долетели до армии! – вскрикнул Ли.

Все воткнулись обратно в проекцию...

Где летучие и крутящиеся огни резали бегущих людей во всех направлениях...

Они доберутся до Тодда...

Они его убьют...

Они там всех до последнего поубивают...

– Мы должны это остановить! – сказала я.

– Виола... – предостерегающе начал Брэдли...

– Как остановить? – в голосе у Симоны была все та же, прежняя мысль...

– Да, Виола, – подхватила мистрис Койл, глядя прямо мне в глаза, в самую глубину. – Как остановить?

Я снова уставилась в проекцию... на армию, которая горела и умирала у меня на глазах...

– Они убьют твоего мальчика, – мистрис Койл словно читала мои мысли. – На сей раз без вариантов.

Она видела мое лицо...

Видела, как я об этом думаю...

Снова об этом думаю...

Думаю обо всей этой смерти.

– Нет, – прошептала я. – Нельзя...

Или все-таки можно?

[ТОДД]

ВВВУXXX!

Один крутящийся огонь пронесся слева, совсем рядом с нами. С солдата, попытавшегося пригнуться, слетела голова...

Я повис на поводьях у Анггаррад, но она снова в панике вскинулась на дыбы, выкатив глаза, сверкая белками; в Шуме один сплошной пронзительный визг, который я едва мог вынести...

Второй огонь ВВВУXXXнул поперек дороги впереди, поливая все вокруг жидким пламенем, и Анггаррад так перепугалась, што оторвала меня, висящего на поводьях, от земли, и мы с ней оба ввалились прямо в гущу толпы...

– СЮДА! – закричал кто-то сзади.

Мэр...

...а крутящийся огонь, между тем, превратил в горящую стену десяток людей прямо за нами ...

И вот когда он, мэр, это прокричал, ноги словно сами развернули меня к нему лицом – как *дернуло* что-то...

Но я заставил себя вернуться к Анггаррад...

– Идем, девочка! Идем! – заорал я, пытаюсь заставить ее двигаться – хоть куда-нибудь, хоть как-то...

– ТОДД! БРОСЬ ЕЕ!

Мэр уже каким-то образом успел оказаться на Морпете и теперь скакал между людьми и уворачивался от очередного огненного колеса, как раз решившего загнуть траекторию обратно, в небо...

– В ГОРОД! ВСЕ В ГОРОД! – крикнул он солдатам.

Вонзая это прямо им в Шум...

Прямо мне в Шум...

Пробиваясь в него насквозь по лезвию тихого, настойчивого гула...

И я снова ударил его, отбросил прочь у себя в голове...

Но солдаты рядом лишь побежали еще быстрее...

Крутящиеся огни все еще неслись по небу, словно пикирующие на жертву птицы...

Но сейчас они возвращались туда, откуда пришли...

Повсюду горели люди, но те, что пока оставались в живых, тоже заметили, что огни улетают...

Что у нас есть несколько секунд до новой атаки...

И люди бежали, бежали в сторону города, и первые уже устремлялись вперед по дороге, где мэр орал во все горло...

– ТОДД! ТЫ ДОЛЖЕН БЕЖАТЬ!

Но Ангаррад все еще вопила и взбрыкивала, пытаясь вырваться из моей хватки ...

А у меня сердце рвалось пополам...

– ИДЕМ ЖЕ, ДЕВОЧКА! НУ!

– ТОДД!

Но я не собирался бросать Ангаррад...

– Я ЕЕ НЕ БРОШУ! – крикнул ему я...

Потому что, черт меня возьми, не брошу, и все...

Я уже бросил Мэнчи...

Я оставил его, ушел...

И больше я этого не сделаю...

Я оглянулся...

Он скакал прочь, взяв курс на город...

С остальными своими людьми...

Нас с Анггарад оставили одних в быстро пустеющем лагере...

[ВИОЛА]

– Мы *не станем* запускать ракету, – сказал Брэдли (Шум у него просто ревел). – Это решение мы уже приняли и менять не будем.

– Так у вас и ракеты есть? – изумился Ли. – Тогда какого черта вы ими не пользуетесь?

– Потому что мы хотим заключить мир с этим видом! – заорал, наконец, Брэдли. – Если мы откроем огонь, последствия будут катастрофические!

– Они *уже* катастрофические, прямо сейчас, – напомнила мистрис Койл.

– Катастрофические для армии, против которой вы просите нас выступить. Катастрофические для армии, которая сейчас атакует...

– Брэдли... – вмешалась Симона.

Он развернулся к ней (Шум был полон до ужаса грубых слов).

– На нашей ответственности почти пять тысяч человек. Ты правда хочешь, чтобы они проснулись и обнаружили себя посреди безнадежной войны, которую невозможно выиграть?

– Да вы же *уже* по уши в войне! – вставил Ли.

– Нет! – еще громче отрезал Брэдли. – И именно поэтому у нас еще есть шанс вытащить из нее остальных.

– Вам всего только и нужно, что наглядно показать: спаклам есть о чем беспокоиться почище пушек мэра, – почему-то мистрис Койл сказала это *мне*, а не Брэдли с Симонной. – В первый раз нам удалось заключить с ними мир, моя девочка, потому что мы были на позиции силы. Именно так работает война. Именно так устроено перемирие. Мы показываем им, что обладаем силой, превышающей всякое их воображение, и после этого они делаются куда более готовыми к переговорам.

– А потом возвращаются через пять лет, когда сами станут сильнее, и убивают всех людей на этой планете, – закончил за нее Брэдли.

– За пять лет вполне можно навести мосты между нашими племенами и сделать так, что в новой войне не будет никакой необходимости, – отбрила мистрис Койл.

– Что у вас *изумительно* получилось в прошлый раз, как

я погляжу!

– Да чего вы ждете-то? – решил подать голос Айвен из толпы; несколько человек к нему тут же присоединилось. – Пальните в них ракетой, и дело с концом!

– Тодд, – прошептала я и снова уставилась на проекцию.

Огни уже летели обратно, к водопаду, их ловили и перезаряжали...

И тут я его *увидела*...

– Он один! – закричала я. – Они *бросили его там одного!*

Армия спешно отступала по дороге назад, к городу, – толкаясь и стремясь поскорее добраться до деревьев...

– Он пытается спасти свою конягу! – сказал Ли.

Я снова защелкала коммом.

– Черт, Тодд! *Ответь мне немедленно!*

– Моя девочка! – мистрис Койл даже пальцами прищелкнула, чтобы привлечь мое внимание. – Мы снова достигли того критического момента, когда у тебя и твоих друзей есть шанс – второй шанс сделать выбор.

Шум Брэдли издал яростный звук; он повернулся к Симоне за помощью, но ее глаза метались по толпе – по толпе, которая окружала нас со всех сторон, требуя открыть огонь.

– Не вижу для нас никакого выбора, – развела руками она. – Если мы ничего не сделаем, те люди погибнут.

– А если мы что-то сделаем, они *все равно* погибнут, – нетерпение Брэдли так и плескало во все стороны. – А с ними и мы, и все, кто сейчас летит сюда на кораблях. Это не наша

война!

– Рано или поздно она все равно станет нашей, – покачала головой Симона. – Мы продемонстрируем силу. Это может заставить их пойти на переговоры с нами *уже сейчас*.

– Симона! – почти крикнул Брэдли, а его Шум добавил кое-что реально грубое. – Конвой хочет, чтобы мы преследовали мирные...

– Конвой не видит того, что сейчас видим мы, – решительно перебила она.

– Они снова стреляют! – сказала я.

Новая арка крутящегося огня сорвалась с полки под водопадом...

Чего бы хотел Тодд? – подумала я.

Он бы хотел, прежде всего, чтобы я была в безопасности...

Тодд хотел бы мир, который был бы для меня безопасен...

Я знаю, *это* я точно знаю...

Даже если бы его самого в этом мире больше не было...

Но он до сих пор там – посреди всего этого ужаса...

Он там, один, и огонь сейчас прольется на него с небес...

И еще один факт, который я никак не могу выкинуть из головы, мир там или не мир, и этот факт – непреложная истина...

Он истинный, но неправильный...

Истинный, но ох какой опасный...

Вот он: если они его убьют...

Если они хоть *пальцем* его тронут...

На этом корабле не хватает оружия для спаклов, которым придется за это заплатить.

Я перевела взгляд на Симону, которая без труда его прочла.

– Я заряжаю ракету, – кивнула она.

[ТОДД]

– Ну, девочка, ну *давай*, что же ты... – твердил я.

Кругом были тела, только тела, они горели кучами... а некоторые еще и кричали...

– *Давай!* – заорал я.

Но она все сопротивлялась, мотала головой во все стороны, пятилась от огня и дыма, от мертвецов, от немногочисленных все еще бегущих мимо солдат...

А потом взяла и упала...

Завалилась назад и на бок...

И меня за собой утащила...

Я шлепнулся рядом с ее головой.

– Анггаррад! – позвал я прямо в ухо. – Анггаррад, *пожалуйста*, вставай!

Дернулась шея...

Потом дернулись уши...

Глаз посмотрел на меня...

В первый раз – реально посмотрел на меня...

И...

МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК?

Маленький такой, дрожащий голосок...

Совсем крошечный, напуганный просто до...

Но он здесь...

– Я прямо рядом с тобой, девочка!

МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК?

У меня сердце так и подпрыгнуло, обнявшись с надеждой...

– Давай, малышка! Вставай, вставай, вставай, вставай...

Я был уже на коленях и тянул ее за поводья, заставляя поднять голову...

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

И она действительно подняла голову...

Посмотрела на холм...

МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК! – завопила кобыла...

Новая арка крутящихся огней падала прямо на нас...

– Скорее!

Ангарад перекадилась на ноги, закачалась нетвердо, ша-рахнулась от горящего тела...

МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК! – продолжала кричать она.

– Давай, девочка! – я попытался вскарабкаться на нее...

Влезть в седло...

Но тут нас накрыли огни...

Как пикирующие с неба огненные орлы...

Один прошел как раз у нее над ушами...

Ровно там, где была бы моя голова, сиди я сейчас верхом...

И тут она понесла...

Ринулась в ужасе вперед...

А я, вися на поводьях, поскакал за ней – пешком...

Спотыкаясь о каждую рытвину...

Полубегом, полуволоком...

А крутящиеся огни уже летели на нас, со всех сторон, со всех сторон...

И все небо уже было – огонь...

Поводья выкручивали мне руки...

Ангаррад орала МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК!..

Я падал...

Узда выскальзывала у меня из пальцев...

МАЛЬЧИК-ЖЕРЕБЕНОК!

Ангаррад!

ПОДЧИНИСЬ!

...другой лошадиный голос...

И уже падая и стучаясь об землю, я услышал новый комплект копыт, нового коня...

Мэр, верхом на Морпете...

Накидывающий какую-то тряпку на голову Анггаррад...

Закрывая ей глаза, пряча от нее валящийся с неба огненный дождь...

А потом он наклонился с седла и крепко схватил меня за руку...

Поднял в воздух...

Рывком отдергивая с пути крутящегося огня, который обжег землю на том самом месте, где я только что валялся...

– СКОРЕЕ! – кричал он...

А я уже карабкался на Ангаррад, хватал поводья...

А мэр описывал круг за кругом...

Уклоняясь от огней...

Присматривая за мной...

Присматривая, чтобы со мной ничего не случилось...

Он сам вернулся, чтобы спасти меня...

Он *меня* приехал спасти...

– НАЗАД В ГОРОД, ТОДД! – крикнул он. – У НИХ ОГРАНИЧЕННАЯ ДАЛЬНОСТЬ! ОНИ НЕ ДОСТАНУТ...

Крутящийся огонь врезался прямоком в широкую грудь Морпета.

Мэр исчез с глаз.

[ВИОЛА]

– Подумай, что ты делаешь! – воскликнул Брэдли (ГЛУПАЯ, ЭГОИСТИЧНАЯ СУКА! – бросил его Шум в спину Симоне, уже сидевшей в рубке). – Прости, – тут же процедил он сквозь стиснутые зубы. – Но нам правда не надо это делать!

Мы уже все туда набились; Брэдли и мистрис Койл толка-

лись позади нас с Ли.

– Телеметрия есть, – сообщила Симона.

Открылась небольшая панель с квадратиком, на ней синяя кнопка. Пустить ракеты, просто коснувшись экрана, нельзя: это должно быть физическое действие. Ты должен точно этого хотеть.

– Цель взята.

– На поле больше никого нет! – Брэдли ткнул пальцем в экран над панелью. – Дальше этого предела огни *все равно не полетят!*

Симона не ответила, но ее палец замер над синей кнопкой.

– Твой мальчик все еще где-то там, моя девочка, – мистрис Койл снова обратилась ко мне, словно это я тут за все отвечала...

Какая разница, если это *правда* – он действительно был там, пытался поставить Анггаррад опять на ноги... почему-то мы до сих пор его видели, посреди всего этого, в клубах огня и дыма, маленький, одинокий – и не отвечающий на вызовы...

– Я знаю, что ты думаешь, Виола, – Брэдли изо всех сил старался говорить тихо, хотя Шум его ревел и бушевал. – Но это одна-единственная жизнь против тысяч.

– Довольно разговоров! – крикнул Ли. – Запускайте эту чертову штуку!

Но на экране поле битвы действительно пустело – остались только Тодд и еще горстка людей, и я подумала, если

он сумеет, если он правда оттуда выберется, то, возможно, они правы, возможно, мэр поймет, как малы его шансы против настолько могущественного оружия... потому как кому в здравом уме придет в голову... Кому?

Но для начала Тодд должен оттуда выбраться.

Обязан, по-другому никак...

Его лошадь неслась вскачь, таща его за собой...

И новая порция огней уже накрывала поле...

Нет, *нет*...

Палец Симоны все так же висел в нерешительности над кнопкой...

– *Todd*, – вслух произнесла я...

– Виола, – с силой сказал Брэдли...

Я повернулась к нему...

– Я знаю, сколько он для тебя значит, но мы не можем... – на кону слишком много других жизней.

– Брэдли... – начала я.

– Ради одного-единственного человека – нет! – отрезал он. – Нельзя превращать войну в личные счета...

– СМОТРИТЕ! – закричала вдруг мистрис Койл.

Я стремительно повернулась обратно к экрану...

Крутящийся огонь врезался прямо в грудь бегущего коня...

НЕТ! – вырвалось у меня. – *НЕТ!*

Экран взорвался лавиной огня...

И, все еще крича на пределе легких, я рванулась вперед,

мимо Симоны, и грохнула кулаком по синей кнопке...

[ТОДД]

У Морпета даже времени взвизгнуть не было...

Лишь колени подломились, и огненная молния прошла прямо через него, насквозь...

Я отпрыгнул от взрыва, натягивая поводья Анггаррад, отворачивая ее от ударной волны, пока огонь с ревом катился поверх нас...

Она послушалась, легче, по крайней мере, – теперь, когда глаза ничего не видели; Шум пытался нащупать землю, куда ступать...

А молния пронеслась дальше своей дорогой, расплескивая пламя во все стороны...

Но еще один ком огня, поменьше, отделился...

Повалился вбок, ударился оземь...

Мэр яростно покатился к нам...

Я сорвал с Анггаррад одеяло, набросил на него, прибывая ползущий по генеральской униформе огонь...

(смутно сознавая, што огни уже возвращаются своим чередом обратно, к утесам...)

(што у нас есть еще несколько секунд передышки, штобы убраться отсюда...)

Мэр, шатаясь и все еще дымясь, поднялся на ноги: лицо черное от сажи, волосы опалены, но в остальном целый и

невредимый...

В отличие от Морпета, от которого осталась неузнаваемая куча горящего мяса...

– Они мне за это заплатят, – надтреснутым от дыма голосом прохрипел мэр.

– Скорее! – крикнул я. – Если поторопимся, можем успеть!

– Оно не так должно было пойти, Тодд! – свирепо бросил он, бегом кидаясь вместе со мной в сторону дороги. – Впрочем, до города им все одно не долететь, да и по высотности явно есть ограничения – поэтому-то они и не стали стрелять ими еще с вершины холма...

– Просто заткнись и беги! – рявкнул я, таща за собой Анггард и думая, што нет, нам никак не успеть к тому времени, как дадут следующий залп...

– Я тебе все это говорю, чтобы ты не думал, будто мы уже побеждены! – прокричал на бегу мэр. – Для них это еще не победа! Так, временное преимущество... Мы еще доберемся до них, мы еще...

А потом воздух пронзительно завизжал, што-то пронеслось над нами со скоростью пули, и...

БУМММ!

Весь склон холма взорвался, будто вулкан из огня и пыли. Ударная волна швырнула наземь и мэра, и нас с Анггар-

рад, а сверху хлынул щебеночный ливень... несколько громадных булыжников грохнули поблизости – любой из них мог бы расплющить нас с концами...

– *Что?!* – мэр, не веря своим глазам, оглянулся назад и вверх...

Пересохший водопад рушился в опустевший водоем внизу, увлакивая за собой все спачьи крутящиеся огни... пыль и дым стеной вставали над ним, скрывая с глаз зигзаг дороги...

Вся передняя поверхность холма оседала, проваливаясь сама в себя, превращаясь просто в кучу камней от земли до неба...

– Это были твои люди? – крикнул я, пытаюсь перекрыть звон в ушах. – Это была артиллерия?

– У нас не было времени, – проорал в ответ он, жадно ощупывая взглядом разрушения. – И у нас нет ничего настолько мощного.

Первая дымовая завеса начала потихоньку рассеиваться. У подножья холма зияла исполинских размеров воронка, повсюду громоздились завалы острых обломков – рваная рана поперек лица земли...

Виола, подумал я...

– Воистину, – произнес мэр с неожиданным и безобразным наслаждением в голосе.

И стоя там, перед полем мертвецов, покрытым обожженными останками людей, которые еще десять минут назад хо-

дили и говорили, которые сражались и умирали за него на войне, которую он сам развязал...

Перед всем вот этим...

Мэр молвил:

– Это твои друзья вступили в войну, Тодд.

И улыбнулся.

Орудия войны

[Возвращение]

Удар поражает нас всех, сразу.

Холм, который смотрел на долину, вырывает из почвы всем куском. Лучники Земли погибают мгновенно, как и вся Земля с краю холма, – их уничтожает взрывом; мы с Небом уцелели только потому, что оказались дальше – буквально на длину тела.

Взрыв длится и длится, звуча в голосе Земли, волной убегающей назад, вдоль реки, нарастая с каждым шагом, и вот он уже взрывается непрерывно, без конца, и шок от него ревет в нас, через нас снова и снова и снова и снова и снова и вся Земля оглушена как один и не понимает, что же значит такой невероятный масштаб взрыва.

И что будет дальше?

Достанет ли ему величины, чтобы убить нас всех?

Небо остановил реку вскоре после восхода солнца. Он отправил послание по Путям – Земле, которая строила плотину выше по течению, велел запечатать последние стены, положить последние камни и обратить реку вспять. Вода начала иссякать, медленно поначалу, но потом все быстрее и быстрее, пока арки цвета, отбрасываемые в воздух брызгами водопада, не исчезли совсем, а широкое поле воды не превратилось в равнину грязи. Когда гул реки смолк, мы рас-

слышали изумленные, испуганные голоса Расчистки от подножия холма.

А затем пробил час лучников, и наше зрение ушло к ним. Они проскользнули за водопад под покровом ночи и ждали там, пока встанет солнце и вода уступит им место.

И тогда они воздели свое оружие и выстрелили.

Вся Земля до последнего видела, как это произошло, видела глазами лучников, как горящие лезвия рвали Расчистку на части, и Расчистка бежала, кричала и умирала. Мы все как один глядели, как разгорается наша победа, как враг бессилен дать нам отпор...

А потом внезапно распорол воздух, что-то пронеслось так быстро, что мы его не увидели – но почувствовали, и громовая вспышка заполнила разум и душу, и голос каждого из Земли, и наша кажущаяся победа забрала свою цену, потому что у Расчистки сыскалось оружие гораздо больше, чем мы думали, и теперь она использует его, чтобы убить нас всех...

Но других взрывов не последовало.

Судно, которое пролетело над нами, показываю я Небу, когда Земля начинает, шатаясь, подниматься на ноги. Небо помогает встать мне. Взрыв опрокинул нас обоих, но никто не ранен – так, небольшие ссадины... Но все вокруг усеяно телами Земли.

Судно, соглашается Небо.

Мы принимаемся за работу, страшись, что каждую секунду может грохнуть второй взрыв. Небо приказывает Земле

спешно перегруппироваться, я помогаю перенести раненых к яслям исцеления – в новый лагерь, который уже сам себя организует дальше от обрыва, в сухом речном русле, прямо сейчас, сразу же после взрыва, потому что так приказал Небо; там голос Земли может снова собраться вместе, снова стать единым.

Но только не слишком далеко от нас. Небо хочет держать Расчистку физически в поле зрения, хотя холм теперь настолько разрушен, что места для армии сойти вниз там просто больше нет – если только не карабкаться поодиночке с камня на камень.

Есть и другие дороги, показывает он мне, и я уже слышу, как по Путям до него доходят послания, перестраивающие само тело Земли, велящие начать двигаться по маршрутам, о которых Расчистка пока что понятия не имеет.

Это очень странно, показывает Небо уже много часов спустя, когда мы делаем, наконец, привал, чтобы подкрепиться (второго удара так и не случилось). *Выстрелить только раз и потом замолчать.*

Может быть, у них имелось только одно оружие, показываю я. *Или они знают, что оружие такого типа бесполезно против силы запертой реки. Если они уничтожат нас, мы отпустим реку и она убьет их.*

Гарантированное взаимное уничтожение, говорит Небо, и в его голосе эти слова звучат причудливо, по-иностранному.

Его голос обращается внутрь себя, долгое мгновение обшаривает голос Земли, пытаясь найти ответы.

Потом он встает.

Сейчас Небо должен оставить Возвращение.

Оставить? – показываю я. *Но у нас столько работы...*

Сначала Небо должен сделать кое-что один. Он улыбается моей растерянности. *Встретимся на закате у моего скакуна.*

У твоего скакуна? показываю я, но он уже идет от меня прочь.

Когда день начинает клониться к закату, я делаю, как сказал Небо, и иду вверх по сухому речному руслу, мимо кухонных костров и яслей исцеления, мимо солдат Земли, восстанавливающихся после взрыва, приводящих в порядок оружие, готовящихся к следующей атаке, оплакивающих тела Земли, которая умерла.

Но Земля должна жить, продолжать жить, и я иду все дальше по реке от места взрыва. Я минуя Землю, собирающую рассеянные пожитки и строящую новые бивуаки: несколько хижин уже возвышаются на фоне все еще дымного вечера. Земля ухаживает за стайками белоптиц и скривенков – нашим живым провиантским складом. Я иду мимо хранилищ зерна и складов рыбы, обильно пополненных из опустошенной реки. Мимо Земли, копающей новые отхожие места. И даже мимо группы молодежи, распеваящей песни, которые научат их отсеивать историю Земли из всех голо-

сов, как поворачивать, крутить и плести массу звуков в единственный голос, который расскажет им, кто они такие, всегда и на веки вечные.

Песня, на языке которой мне все еще трудно говорить, даже когда Земля общается со мной на скорости, которую они обычно приберегают только для детей.

Я иду сквозь песню, пока не оказываюсь на выгоне, занятом боерогами.

Боероги.

Для меня это всегда были легендарные создания – я их видел только в голосах Бремни, пока рос, в снах и сказках о войне, которая оставила нам Расчистку. Я даже почти верил, что это просто фантазии, выдуманные чудовища, которых в действительности или нет совсем, или они совсем не такие, как я думал, – увидишь и разочаруешься.

Как я ошибался. Они были великолепные. Огромные, белые или покрытые глиняной боевой броней. Но даже и без нее шкура у них очень толстая и образует твердые пластины. В ширину они примерно такие же, как я – в высоту, с обширной спиной, на которой можно с легкостью стоять: так Земля и ездит на них, стоймя, в ножных седлах.

Транспорт Неба – самый крупный из них. Рог, который торчит у него из носа, длиннее всего моего тела. Еще у него есть редкий для этих зверей дополнительный рог – такой вырастает только у вожака стада.

Возвращение, показывает он, когда я подхожу к ограде.

Единственное слово Бремени, которое ему известно, – это его Небо научил, как пить дать. *Возвращение*, показывает он – очень нежно, радушно. Я кладу руку на местечко между рогами и ласково там глажу. Он закрывает глаза от удовольствия.

Это слабость скакуна Неба, показывает Небо, подходя ко мне сзади. *Нет, не прекращай.*

Есть ли новости? – показываю я, убирая руку. Ты принял решение?

Мое нетерпение исторгает у него вздох.

Оружие Расчистки сильнее нашего. Если у них есть еще, мы все погибнем в волнах.

Они уже убили тысячи за прошедшие годы. И убьют еще тысячи, даже если мы ничего не станем делать.

Мы продолжим действовать по исходному плану, показывает Небо. *Мы явили свою новую силу и заставили их отступить. Мы контролируем реку и лишили их воды. И даем понять, что можем утопить их в любой момент, если выпустим воду всю и сразу. И теперь мы посмотрим, как они нам ответят.*

Я выпрямляюсь, голос наливается силой.

Посмотрим, как они ответят? Да что хорошего может получиться из...

Я умолкаю, так как в голову приходит мысль – от нее все другие мысли останавливаются.

Ты же не имеешь в виду, показываю я, *ты НЕ МОЖЕШЬ*

иметь в виду, что собираешься подождать мирного предложения с их стороны?

Он шевельнулся.

Этого Небо не показывал никогда.

Ты обещал, что они будут уничтожены! – показываю я. Неужели резня Бремени НИЧЕГО для тебя не значит?

Успокойся, показывает он, и это в первый раз, когда его голос мне что-то приказывает. Я приму твой совет и твой опыт, но делать я буду то, что лучше всего для Земли.

В прошлый раз лучше всего было бросить Бремя на произвол судьбы и уйти! Чтобы они стали рабами!

Тогда мы были другой Землей, показывает он, под другим Небом, с другими умениями и другим оружием. Теперь мы стали лучше. Сильнее. Мы многому научились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.